

Леонид, «пропавший в Пинских болотах»...

Корсаков С. А. Отъезд раненых, открытка времен Первой мировой войны

Со времен Первой мировой войны сохранился такой анекдот. Пытаясь переждать артиллерийский обстрел, солдат прыгает в воронку от снаряда и удивлённо спрашивает другого служивого, который незадолго до него уже оказался там, на сыром земляном дне:

– Ты откуда?

– Я вятский.

– Дык и я тоже вятский. Надо же: война мировая, а воюют одни вятские!

И по отцовской линии в моем роду был участник Первой мировой войны.

Папин род происходит из Вятки. И мой папа Леонид Петрович Зеленин рассказывал, что в семье его отца и матери родилось десять детей, из которых выжили только шестеро. Обычная история столетней давности. Вне зависимости от социального статуса, дети нередко умирали во младенчестве, как правило, от различных детских инфекционных

заболеваний. Ведь тогда не было ни вакцин, ни прививок. Умирали и от осложнений от них, антибиотиков ведь тоже еще не было.

Итак, кто вырос: Леонид, Алексей, Мария, Иннокентий, Борис и снова Леонид. Не удивляйтесь: мой папа – самый младший в семье Зелениных родился в 1917 году, уже после того, как перестали приходить весточки от его старшего брата Леонида.

Папа говорил, что его даже называли Леонидом в честь не вернувшегося с Первой мировой войны брата.

Кем же был самый старший Леонид Зеленин? Каково было его звание, в каких войсках служил?

788

54

Всероссийский Союз Городов.

Форма А.

УВЪДОМЛЕНИЕ О ПРИЕМЪ

раненого или больного, поступившего съ театра военныхъ дѣйствій.

Адресъ госпиталя:

Губернія.....

Проводъ, селеніе..... *Калужь*

Наименованіе госпиталя (казарта):..... *19-й*

№ по приемному журналу..... *2070*

1. Фамилія..... *Зеленинъ*

Имя..... *Леонидъ* отчество..... *Петровичъ*

2. Хол., женат., вдовъ. 3. Неграмот., грамотн., образован.

4. Возрастъ..... *18* 5. Пародность..... *Русск*

6. Въростоуповданіе..... *грамотн.*

7. Войсков. часть, должность (занятіе)..... *295 Колѣсн. п. болотова*

8. Мѣсто родины: губ., уѣздъ, волость, селеніе, городъ..... *г. Калужь*

9. Мѣстожительство (передъ войной): губ., уѣздъ, вол., сел., городъ..... *там же*

10. Занятіе (передъ войной)..... *ком. переселен.*

1. Болѣздъ или поврежденіе (какое, когда и гдѣ получено)..... *Клещеватисн. сыръ*

2. Принятъ мѣс..... *Калужь* числа..... *2* 191*6* г.

3. Откуда прибылъ..... *изъ Москвы*

Подпись врача.....

Как говорил папа, видимо, повторяя слова, услышанные в детстве от своей матери или старшей сестры Маруси: «Леонид пропал в Пинских болотах...».

То есть в семье не принято было говорить «погиб» или «умер», говорили «пропал». Почему? Ушел на фронт и не вернулся? Пропал без вести?

Если поискать сведения об участке фронта Первой мировой войны близ городка Пинска, то – это территория белорусского Полесья. Действительно, эти места еще называют Припятскими болотами.

Честно говоря, я пыталась логически предположить, в ходе какой из военных операций на этом участке фронта мог «пропасть» Леонид Зеленин-старший. К примеру,

он мог участвовать в Нарочанской наступательной операции российских войск в марте 1916 года. Как отмечают историки, время и место ее было выбрано неудачно: на участке наступления находилось много озер и болот, ситуация усложнялась весенним бездорожьем. Операция закончилась безрезультатно, при этом российские войска понесли огромные потери (только 2-я армия потеряла 78,5 тыс. человек). Многие солдаты, офицеры, целые армейские обозы здесь не просто увязли, они утонули. Пропали бесследно!

Мне думалось: наверное, в этих трагических событиях исчез мой дядя. И все же я не теряла надежды найти какие-либо более точные сведения. И, как это часто бывает, они нашлись буквально в последний момент, когда рукопись этой книги была фактически уже завершена.

Летом 2017 года, прочитав в ленте социальной сети Фейсбук о том, что один из моих друзей нашел в интернете документы своего деда – участника Первой мировой войны, я (в который раз!) решила еще раз запросить в поисковике сайта «Память героев Великой войны 1914–1918» (<http://gwar.mil.ru/cartoteka/yalutorovsk/1962963/#>) имя своего пропавшего дяди. И в этот раз меня ждала удача. Нашелся Зеленин Леонид Петрович!

Вольноопределяющийся восемнадцати лет

Маленький листочек бумаги из картотеки Бюро по учету потерь. И целый кладезь информации!

Как видим, это документ о поступлении раненого\больного с театра военных действий в 12-й городской казанский госпиталь Всероссийского союза городов. Эта волонтерская организация была создана в первые дни Первой мировой войны по инициативе градоначальников империи для помощи больным и раненым воинам, она занималась их эвакуацией, размещением и лечением.

Конечно, нельзя исключать, что указанный в этом документе Зеленин Леонид Петрович, вольноопределяющийся боец 297-го Ковельского пехотного полка – просто полный тезка старшего брата моего отца. Но совпадений настолько много, что я на 99% уверена: речь именно о том человеке, сведения о котором я разыскиваю.

Во-первых, возраст – 18 лет. Это соотносится и с возрастом родителей (моих бабушки и дедушки) – они могли иметь такого старшего

сына, и с возрастом последующих братьев и сестер в семье. Во-вторых, место рождения – город Вятка. Здесь родился мой отец и здесь в начале минувшего века жила большая семья Зелениных. В-третьих, открыв имеющуюся на сайте ссылку «Боевой путь» полка, в котором служил Леонид-старший, нетрудно выяснить, где в ходе войны находился данный полк.

297-й Ковельский пехотный полк входил в состав 75-й пехотной дивизии. В июне 1915 года в составе 31-го армейского корпуса 3-й армии Юго-Западного фронта дивизия активно обороняла Пинский район во время общего наступления фронта на Брест и Ковель. То есть география военной операции и семейной легенды полностью совпадают!

Единственное, что меня сразу несколько смутило – это отсутствие воинского звания. Смысл слова «вольноопределяющийся» мне показался синонимом современного – доброволец, волонтер. Как известно, патриотическое воодушевление в начале Первой мировой войны в Российской империи было необычайно высоким. Молодые люди стремились попасть на фронт. Я подумала, что «вольноопределяющийся» – это кто-то вроде вольнонаемного, гражданское лицо на каких-либо вспомогательных работах в полку. Но нет! Как выяснилось, «вольноопределяющиеся» в царской армии – это воинское звание!

Вольноопределяющийся – военнослужащий (из нижних чинов) российской императорской армии и флота, поступивший на военную службу добровольно.

К вольноопределяющимся предъявлялись следующие требования: возраст не менее семнадцати лет; для несовершеннолетних (до 21 года) – согласие родителей; наличие установленного образовательного ценза и (в некоторых случаях) сдача специального экзамена на звание; соответствие требованиям по здоровью и телосложению.

В 1912 году была принята новая редакция Устава о воинской повинности. Право быть вольноопределяющимися получили лица, имеющие высшее либо среднее образование, окончившие шесть классов любого среднего учебного заведения или два класса духовной семинарии, не младше 17 лет. Вольноопределяющиеся могли быть произведены в офицеры после сдачи особого экзамена, приблизительно соответствующего курсу юнкерского училища (только специальные военные дисциплины).

Для офицеров считалось хорошим тоном обращаться к вольноопределяющимся на «вы» и говорить им «господин», хотя устав этого не требовал. Единственным отличительным признаком вольноопределяющегося был трехцветный бело-желто-чёрный кант, которым обшивались погоны.

Итак, мой старший дядя был не просто грамотный, как указано в документе, он должен был до войны пройти полный гимназический курс, иначе бы его не взяли в армию вольноопределяющимся. Кстати, все дети в семье получили хорошее образование, хотя семья происхождения из крестьян.

Указан и род занятий Леонида-старшего до войны – коммерсант. Поскольку мне так и не удалось узнать, чем занимался мой дед Петр Зеленин в период 1914–1917 годов, то мне трудно судить: был ли юноша предприимчив самостоятельно или у них было общее семейное дело вместе с отцом Петром Зелениным? Но сам факт – весьма любопытный.

В «польском мешке»

«75-я пехотная дивизия генерала Штегельмана Варшавского округа отлично дралась осенью 1914 года в Польше ... причем особенно выделился 297-й пехотный Ковельский полк. В следующие кампании она в составе 31-го армейского корпуса генерала Мищенко вела бои в Полесье, на Припяти и Огинском канале» (А. А. Керсновский. «История Русской армии»).

Таким образом, этот парень – Леонид Зеленин действительно воевал в районе Пинска. Вызывает любопытство и упомянутый авторами карты «польский мешок» периода весны-лета 1915 года. Что это были за события?

Оказывается, после поражения, нанесённого русским в Галиции, фактически руководивший германским войсками на Западном и Восточном фронтах генерал Э. фон Фалькенгайн должен был выбрать один из двух вариантов развития кампании 1915 года: 1) наступать на Вольнь; или 2) повернуть острие немецкого наступления севернее, на выдающийся на запад Варшавский выступ. Замысел состоял в попытке осуществить обхват и окружение семи русских армий.

И он выбрал Горлицкий прорыв. Это – наступательная операция

германо-австрийских войск 1915 года, проведённая с 2 мая по 15 мая. План разгрома русской армии состоял в том, чтобы нанесением последовательных мощных фланговых ударов из Восточной Пруссии и Галиции прорвать оборону русских, окружить и уничтожить в Варшавском выступе её основные силы.

Как пишет Алексей Олейников, на левом фланге 75-й дивизии 297-й Ковельский пехотный полк штыками выбил противника из окопов, «нанеся ему громадные потери и захватив в плен 9 офицеров и свыше 400 нижних чинов 31-го ландверного германского полка» («Захвачены в бою. Трофеи русской армии в Первой мировой», Вече, 2015, с. 41).

Оказав отчаянное сопротивление на линии Горлицкого прорыва, германский стратегический план разгрома вооружённых сил России удалось предотвратить. Высокой ценой жизни и здоровья русского солдата. Русская армия потеряла 40 тысяч убитыми, ранеными и пленными из 60 тысяч находившихся на передовой.

Верховное командование русской армии, чтобы избежать катастрофы, 22 июня 1915 года приняло решение об отводе войск вглубь своей территории. Начался процесс, вошедший в историю Первой мировой войны как Великое отступление.

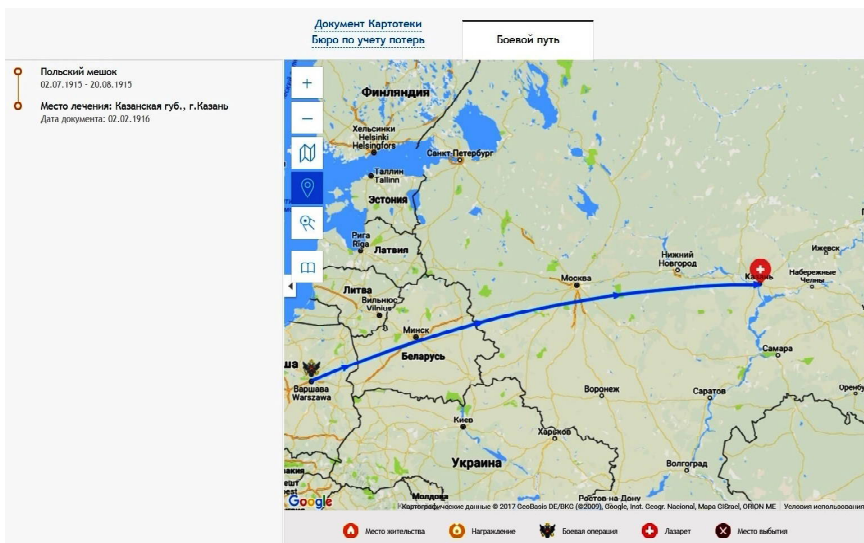
Противоборствующие стороны, понесшие большие потери, перешли к долговременной обороне. Белорусские земли оказались в эпицентре одного из театров военных действий.

«Пехота армии ходила босая...»

Белорусский историк-исследователь Михаил Смольянинов изучил Журнал боевых действий 31-го армейского корпуса и описал подробности в своей статье «Белорусский фронт» Первой мировой. Боевые действия на русско-германском фронте в августе – сентябре 1915 года» (Беларуская думка, № 7, 2015, с. 90–94).

Меня волновали факты, связанные с 297 Ковельским полком и 75-й пехотной дивизией, в которой служил вольноопределяющийся Леонид Зеленин. И они не оставляют сомнений в том, что юноша сражался геройски.

«Совершив переправу с большим переходом в 40–45 верст, части

Скриншот страницы с сайта «Память героев Великой войны 1914–1918», показан путь нашего героя из так называемого «польского мешка» под Варшавой через Москву в Казанский госпиталь.

75-й пехотной дивизии 15 июня получили приказ погрузиться в эшелоны на станциях железной дороги для следования в Ковель и Владимир-Волынский. По прибытии 18 июня к месту назначения полки данной дивизии заняли позиции по правому берегу реки Западный Буг между деревнями Леончицы и Липовице и по левому берегу против населенного пункта Крилова – для обеспечения переправы – и до дер. Малишов. Уже при подходе к позициям полки были обстреляны германцами, окопы которых, как оказалось, располагались в 800–1000 шагах от реки Западный Буг. Все последующие дни, с 23 июня по 2 августа, обстрелы продолжались, временами сильным ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем, включая тяжелую артиллерию. В каждом случае среди защитников позиций имелись убитые и раненые».

«Ураганный огонь противника не прекращался. К вечеру на подмогу прибыли 297-й Ковельский полк и дружина государственного ополчения. Завязался сильный бой. Одновременно противник атаковал занимаемые уступом справа позиции 298-го Мстиславского полка, что

заставило 300-й Заславский и 297-й Ковельский пехотные полки отступить на 100–200 шагов в лес. На этой линии немцы были остановлены. С отходом этих полков и «в случае сильного натиска» 297-му Ковельскому полку также было приказано отходить, «задерживаясь и защищая дорогу от Достоево до госп. Двора Вулька».

«Полк отошел в направлении деревень Достоево, Кротово, Новоселки, Рудка. Его потери на 1 сентября составляли: нижних чинов убито – 12, ранено – 98. Отведенная полку позиция, согласно документу, была «очень плоха, не имела никакого тыла: река Ясельда имела глубину не выше колена, всюду проходима в брод, болото Ложицкое всюду доступное для движения повозок». Предполагалось, что «держаться на этой позиции будет тяжело».

Офицеры 297-го пехотного Ковельского полка (1917)

«11 сентября командир 31-го армейского корпуса генерал Мищенко отдал приказ о выдвигении корпуса на левый берег Огинского канала и реки Ясельда. Общий фронт корпуса составлял до 50 км. Войскам отдали приказ «наблюдать и оборонять Огинский канал и р. Ясельда».

Возможно, с этого участка фронта Леня Зеленин отправлял последнюю весточку родным. И с тех пор они ничего о нем не знали.

Это были гиблые места в прямом и переносном смысле этого слова! Особенно, если учесть начавшиеся серьезные проблемы в армейском снабжении.

Боеспособность русской армии в этот период уже значительно понизилась. По штатам в русских корпусах должно было быть 1,5 млн солдат, фактически же едва насчитывалось около 1 млн штыков и сабель. Некомплект достиг полумиллиона человек. При этом прибывающие пополнения часто не имели винтовок, превращаясь в балласт, только сковывающий боееспособное ядро частей. Качество пополнений резко упало. Так новобранцы из-за нехватки винтовок не были обучены стрельбе. Не хватало офицеров. Начался коллапс прежней армейской структуры, которая сохраняла единство империи. Обмундирование, обувь, шинели бойцов и офицеров русской армии были или утрачены во время длительного отступления из Галиции или сильно износились. Армия была голодной и оборванной!

Как вспоминал Николай Николаевич Головин, в 1915 году в российской армии начал ощущаться «сапожный» кризис:

«Из личного опыта могу засвидетельствовать о той трагедии, которую испытала пехота 7-й армии в декабре 1915 г. Высадившись с железной дороги, части этой армии должны были пройти 4–5 переходов, чтобы занять назначенные на фронте места. Это походное движение совпало с осенней распутицей, и пехота потеряла свои сапоги. Тут начались наши страдания. Несмотря на самые отчаянные просьбы о высылке сапог, мы получали их столь ничтожными порциями, что пехота армии ходила босая. Такое катастрофическое положение длилось почти два месяца» («Военные усилия России в Мировой войне». – Париж: Т-во объединённых издателей, 1939).

Осенью. Два месяца. Босиком или в прохудившейся обувке русская армия находилась среди болот!

В листке регистрации госпиталя из картотеки Бюро по учету потерь есть диагноз вольноопределяющегося Леонида Зеленина, написанный на латыни: «хронический ревматизм».

Леонид – брат Леонида

Кстати, Леонида Зеленина вполне официально могли объявить «пропавшим». А потом он был найден или бежал из плена, и только затем доставлен в госпиталь. Ведь самые крупные потери пленными русская армия понесла именно в тяжелой обстановке Великого отступления.

Архивные данные (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 426. Л. 99, 100), обнаруженные исследователем Алексеем Олениковым, воспроизводят

*Раненые в Москве.
Литография Товарищества И. Д. Сытина (1914)*

следующее количество без вести пропавших в данный период времени на Юго-Западном фронте: потеря офицеров: 544 (май), 448 (июнь), 101 (июль), 150 (август); нижних чинов: 65943 (май), 110697 (июнь), 17350 (июль), 24224 (август)

Правдивые истории чудесного «воскрешения» есть на каждой войне. Скажем, подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка Михаил Тухачевский, по архивным документам, никак не мог стать маршалом Советского Союза, потому что погиб в Первую мировую войну 19 февраля 1915 года.

Тухачевский действительно был объявлен погибшим, после того как немцы почти полностью уничтожили отрезанную от основных сил роту, в которой он служил. Однако на самом деле он попал в плен, и впоследствии после нескольких неудачных попыток бежал, и еще до конца Первой мировой войны вновь был зачислен в Семеновский полк.

Я думаю, что в семье Зелениных действительно могли ничего не знать о том, что их сын и брат находится в казанском госпитале примерно в пятистах километрах от Вятки.

И теперь, благодаря появившемуся в интернете документу, мы точно знаем, что Леонид Зеленин не «пропал» в Пинских болотах и не погиб в «польском мешке». Он заболел. Вероятно, именно в холодных сырых белорусских лесах осенью 1915 года он фатально простудился и получил осложнение.

Даже в наше время, когда существуют мощные лекарственные препараты, это заболевание считается трудно поддающимся лечению. Острая ревматическая лихорадка может привести к сердечной недостаточности и пороку сердца. О возвращении в строй с таким диагнозом не могло быть и речи.

В листке учета значится, что больной Зеленин поступил в Казань из Москвы. Это был просто этап – перевалочный лазарет или госпиталь? А, может, его отправили в Казань целенаправленно – долечиваться? Или как безнадежного... умирать?

Что случилось потом? Почему Леонид не дал знать о себе? Может быть, он умер в госпитале? Но почему тогда об этом не сообщили родным? А, может, по какой-то другой трагической причине Леонид не только не увидел близких и дорогих ему людей, но и не мог (или не хотел) им ничего сообщать?

Может быть и так, что солдата с инвалидностью выписали из казанского госпиталя, да по пути из Казани в Вятку с ним произошло что-то непоправимое? От Казани до Кирова (бывшей Вятки) сегодня можно доехать за 6 часов на машине. А сто лет тому назад?

Возможно также, что этот юноша был очень гордый. Отправляясь на войну, он мечтал вернуться домой с георгиевскими наградами, а получилось – заболел, стал инвалидом. По всей империи тогда создавались Дома инвалидов для воинов.

Что случилось, мы можем теперь только гадать...

Папиной матери и моей бабушке Ольге хотелось, чтобы в доме снова звучало родное имя «Леня», и она назвала в память о первенце своего «последыша», самого младшего из сыновей, родившегося на склоне ее женских лет, словно подарок Бога. А это значит, что я несу по жизни свое отчество не только в честь своего отца, для которого Леонид стал небесным покровителем, но и в память о пропавшем юном дядюшке.

II. По следам далеких предков

Дума про казака Чигирика

І широку долину,
І високу могилу,
І вечерню годину,
І що снилось-говорилось,
Не забуду я...

Тарас Шевченко

*На берегу Кременчугского водохранилища, село Боровица,
Черкасская область (2014)*

Сентябрь 2014 года. Село Боровица Черкасской области. Я стою на берегу Кременчугского водохранилища, омывая ноги в днепровской воде, и мысленно здороваюсь с предками.

Все мои предки по линии деда – Григория Чигирика веками жили в окрестностях Чигирина. Этот старинный казацкий край – родина Богдана Хмельницкого.

За год до этого я нашла фото деда в... Интернете. Ему была посвящена статья под рубрикой «Выдающиеся люди села Боровица» на портале Чигиринского района. На сайте Боровицкой общеобразовательной школы размещен портрет ее первого директора – моего деда Григория Евменьевича Чигирика, который руководил школой без малого 30 лет: с 1920 по 1948 год.

И летом 2013 года я написала электронное письмо на имя современного директора Виктора Васильевича Наконечнюка, интересуюсь, а не живут ли в селе еще потомки нашего рода?

Долго не было ответа. И вдруг осенью раздался звонок. По мобильной связи звучал молодежавый женский голос:

– Доброго дня, мене звуть Надія Іванівна. Я – ваша троюрідна сестра!

Оказывается, среди родственников сохранилась память о том, что у Григория Евменьевича была дочь от первого брака – моя мама Вероника Григорьевна. Мне рассказали, что о своей дочери, которую не видел с младенчества, Григорий Евменьевич помнил до самой своей кончины!

Надежда Ивановна Щириця, в прошлом – экономист местного хозяйства, приходится внучкой родной сестре моего деда – Агафье Евменьевне.

Захотелось пройтись по улочкам села, по коридорам школы, где директорствовал Григорий Евменьевич. Но той Боровицы, в которой веками жили мои предки, больше нет! И хата моих предков, и маленькая речная пристань, и двухэтажная школа, которую построил мой дед, и сельское кладбище – все это давно покоится под глубокими днепровскими водами, на дне Кременчугского водохранилища.

В связи со строительством Кременчугской ГЭС в 1956 году немало надднепрянских сел были отселены. Заново было построено и село Боровица. Специальная правительственная комиссия выбрала место для расположения нового села в двух километрах к юго-западу от старого.

Останки моих предков наскоро выкопали и перезахоронили в братской могиле.

Чигиринский заговор

Слобода Боровица была основана в 1613 году на землях Польской короны в Черкасском старостве. Жители Боровицы поначалу не отбывали феодальных повинностей. Количество обитателей росло за счет беглых крестьян. Кроме сторожевой службы, жители занимались земледелием, рыболовством, охотой, торговым извозом по знаменитому Чумацкому шляху и на Крым, и на Дон.

Местные жители всегда были готовы к сопротивлению захватчикам и неповиновению властям. Из века в век эта территория становилась ареной кровопролитного сопротивления захватчикам, отчаянных восстаний и легендарных бунтов.

Как пишет Юрий Горлис-Горский в романе «Холодный яр», «чигиринский «малоросс» не всегда гнул покорно шею, а часто мотал ею, чтобы скинуть ярмо».

Леонтий Иванович Похилевич (1819–1893) – киевский краевед, ставший известным благодаря своим книгам «Монастыри и церкви Киева» (1865) и «Сказания о населённых местностях Киевской губернии» (1864), так описывал Боровицу:

«Боровица, село совокупно с Шабельниками, расположено на судоходном притоке Днепра, именуемом Гречанка, и при ручье Боровичке. Боровица, равно как и Шабельники, и прилежащие села, составляла северную часть древнего города Бужина. Название село получило от слова бор, которым с древности было окружено и которого в настоящее время остаются только следы. По ревизии 1622 года в ней было 70 мещанских домов и несколько казацких. Во время первой казацкой войны в 1637 году казаки, подозревая своих старшин Савву Куновича и Федора Онушкевича в преданности полякам, убили их под Боровицей, а других отрешили. Потом, будучи разбиты Конецпольским под Кумейками, отступили к Боровице и окопались здесь. Польское войско осадило их и казаки после сопротивления вынуждены были сдаться и выдать своего гетмана Павлюка (иначе – Павел Михайлович Бут) и четырех старшин: Сулиму, Скидана, Гуньку и Томиленко с условием, чтобы им сохранена

была жизнь и права казацкие ни в чем не были нарушены, а русский народ не был бы обращаем в рабство; но поляки не сдержали ни одного из этих условий. Гетман и старшины были казнены в Варшаве в 1638 году, права казаков уничтожены, а народ принужден к панщине».

Польный гетман коронный Николай Потоцкий по прозванию Медвежья Лапа применил лютый террор к повстанцам. К примеру, вся дорога от Днепра до Нежина была уставлена кольями, с посаженными на них казаками и крестьянами. Множество повстанцев, спасавшихся от кровавой расправы, бежали за пределы Речи Посполитой, в частности, на берега Дона и в Днепро-Донское междуречье – будущую Слобожанщину.

Восстание и мученическая смерть Павлюка описаны в поэме Е. П. Гребёнки «Богдан».

А в селе до сих пор существует предание, что казаки наносили своими шапками огромный курган вблизи Боровицы в память о гибели Павлюка и назвали его «Павлюковой могилой».

Как пишет Леонтий Похилевич, «после того при Боровице было еще несколько битв во время Чигиринского похода при гетмане Самойловиче. Впоследствии в местечке был замок над протоком Гречанки с польским гарнизоном. Замок этот подмыт водами Днепра и теперь нет и следов его. О Павлюке осталась память у жителей

Малороссія. Улица въ селѣ.

Petite Russie. Rue de village.

8-е издание.

в названии канала, именуемого Павлюковым, находившегося к северу от села за ручьем Боровичкой.

Там же остатки укрепления Павлюкова. В 1741 году числилось в Боровице 170 дворов; по люстрации 1765 года найдено 116 изб и 90 пар волов; в 1808 году было дворов 132, а жителей 1684. Причем Боровица считалась уже селом. Ныне насчитывается 3007 душ обоего пола» (Похилевич Л.И. Сказания о населённых местностях Киевской губернии. Киев: Киево-Печерская лавра. – 1864, с. 676–677).

Жестоко гуляла в этих местах гайдамацкая вольница! Летом 1768 года именно здесь вспыхнуло восстание, вошедшее в историю под названием Колиивщина, а в литературу – поэмой Тараса Шевченко «Гайдамаки».

Когда произошел второй раздел Польши (1793), село вошло в состав России (Чигиринский уезд Брацлавского наместничества).

После ликвидации крепостного права царским указом от 16 августа 1863 года государственных крестьян Боровицы перевели в разряд крестьян-собственников с возможностью выкупить свои наделы в течение 49 лет.

Землепашцев беспощадно обманывали при межевании земель, что уже в 1875 году вызвало массовые возмущения и отказ платить государственные налоги.

В 1876 году в Боровицкую волостную управу окружили более 300 крестьян. 60 человек, зайдя в помещение, отобрали печать и бумаги у старшины и разогнали волостное управление. В числе организаторов протестов по документам значатся братья Николай и Андрей Чигирики.

Жители Боровицы также поддержали Чигиринский заговор, который был организован «Тайной дружиной» в 1877 году. Речь о неудачной попытке группы народников поднять крестьянское восстание в Чигиринском уезде. Тогда в ход пошли, если использовать современные определения – «черные политтехнологии» того времени. Фейковый «царский манифест»! В нем царь якобы признавал своё бессилие помочь крестьянам и предписывал им объединяться в тайные общества и восстать против дворян и чиновников.

К тому времени (конец 70-х годов XIX века) мой прадед Евмен Карпович Чигирик был уже вполне взрослым 20-летним парнем. И, судя по его дальнейшей карьере, – весьма сознательным и политически активным.

Представитель «настоящего демоса»

Дедова отца звали Евмен (Евмений) Карпович Чигирик (1858–1929). Это – мой прадед. Семейное предание сохранило и некоторые сведения и о моем прапрадеде Карпе. Будто бы тот отслужил воинскую повинность, вернулся в село (возможно, имел награды за геройство), женился, завел хозяйство.

Воинскую повинность тогда отбывали годами. Если судить по дате рождения прадеда Евмения, то Карп мог участвовать и войне на Кавказе (1817–1864) или в Крымской войне (1853–1856). Как раз во время Восточной (Крымской) войны состоялась очередная попытка возрождения Малороссийских казачьих полков. Царским манифестом от 7 мая 1855 года из казацкого сословия было сформировано шесть Малороссийских конно-казачьих полков. Однако уже 5 апреля 1856 года в связи с окончанием войны этих солдат распустили по домам. И вообще при Александре II вышло некоторое послабление рекрутам, их стали демобилизовывать после 15 лет службы.

Если обратиться к статистическим данным по селу Боровица столетней давности, то только 24 хозяйства владели 340 десятинами земли. У остальных, а это сотни семей, было менее двух десятин. То есть основная масса крестьян бедствовала отчаянно. И в этих условиях, по семейному преданию, мои предки сумели стать зажиточными – имели мельницу.

Но главное богатство крестьянской семьи моих предков – стремление к книжным знаниям. Согласно исторической справке, в середине XIX века в приходской школе Боровицы учились 40 мальчиков. И среди них, точно, был мой прадед, который, безусловно, стал выдающейся личностью – одним из первых в Российской империи политиков из народа.

«Чигирик Евмен Карпович. По национальности украинец («малоросс»). Крестьянин из местечка Боровица Чигиринского уезда Киевской губернии. Выпускник церковно-приходской школы. Занимался земледелием. 7 февраля 1907 года избран в Государственную думу II созыва от общего состава выборщиков Киевского губернского избирательного собрания. В донесениях начальника Киевского губернского жандармского управления сказано, что Чигирик перед отъездом в Санкт-

ЧИГИРИК Евмен (Евгений) Карпович (1858 – ?), депутат 2-й ГД от Киевской губ. Украинец («малоросс»), правосл. вероисповедания, крестьянин с. Боровицы Чигиринского у. Киевской губ. Окончил церк.-приходскую школу. Земледелец.

7.2.1907 избран во 2-ю ГД от общего состава выборщиков Киевского губ. избират. собрания. Согласно донесениям нач. Киевского губ. жандармского управления, Ч. перед отъездом в ГД произносил на митингах по деревням Чигиринского у. речи с требованием амнистии, отчуждения помещичьих земель и передачи их крестьянам, расширения нар. образования и др. Примыкал к *Трудовой группе и фракции Крестьянского союза*. Член *Аграрной комиссии*. Выступал в прениях по *аграрному вопросу*. Вышел из состава фракции по заявлению от 25.5.1907 в связи с переходом в *Украинскую громаду*. Дальнейшая судьба неизвестна.

Лит.: Боневич-2. С. 136. Колесниченко Д. А. Состав Трудовой группы в I и II Государственных думах: Сводная таблица членов фракции. М., 1988. С. 116–17.

Архивы РГИА. Ф. 1278. Оп. 1 (2-й созыв), Д. 484, Д. 603. Л. 17об.

«Государственная дума Российской империи 1906–1917. Энциклопедия».

Статья о Е. К. Чигирике (Б. Иванов, Анна Комзолова, И. Ряховская; Российская политическая энциклопедия, 2008, с. 682)

из-за перехода в Украинскую громаду» (источник: Государственная дума Российской империи: 1906-1917. Б.Ю. Иванов, А.А. Комзолова, И.С. Ряховская. Москва. РОССПЭН. 2008, с. 682).

Среди 102 депутатов от украинских губерний во Второй Государственной думе насчитывалось 40 трудовиков, 34 представители правых партий, по 11 кадетов и социал-демократов (в том числе 3 меньшевика, 1 большевик, 1 представитель УСДРП).

По социальному положению украинские губернии во Второй Думе были представлены 16 помещиками, 4 священниками, 17 интеллигентами, 59 крестьянами и 6 рабочими.

Крестьянский Союз принял участие в выборах во Вторую Думу и провёл туда несколько своих членов, которые присоединились в ней к Трудовой группе. Отдельные члены Союза, по некоторым сведениям – и мой прадед, были подвергнуты политическим преследованиям еще в 1905 году.

Интересно, что первые российские думы были очень хорошо описаны политическими экспертами фактически сразу же после формирования. Так, по тексту издания «Члены 2-й Государственной думы.

Петербург выступал на митингах в деревнях Чигиринского уезда, требуя амнистии для политзаключенных, изъятия земель у помещиков, передачи их крестьянам, развития народного образования и тому подобного. Входил в Трудовую группу и был близок к фракции Крестьянского союза. Вошёл в состав аграрной думской комиссии. Участвовал в прениях по аграрному вопросу. Покинул фракцию Трудовой группы, сделав заявление 25 мая 1907 года,

Члены фракции трудовиков во Второй думе (1907)

С.-Петербург, «Пушкинская Скоропечатня», 1907): «если брать средние показатели, при всем разнообразии сословных и социальных характеристик обобщенный социальный портрет украинских депутатов был больше крестьянским».

По выражению современника Ф. Матушевского, это были представители «настоящего демоса», а по своей национальной принадлежности около половины депутатов от украинских губерний и городов определили себя как украинцы.

«Вторая Дума открылась 20 февраля 1907 года. Современники образно назвали ее «Думой народного гнева». В предвыборный период и на разных стадиях выборов немало кандидатов выбыло из борьбы – широко практиковались аресты, ссылка «левых» кандидатов, отмена результатов выборов в округах, где побеждали представители революционных партий. Придя в Таврический дворец и сознавая краткосрочность своей миссии, оппозиционные депутаты стремились показать

правительству, что революционный лагерь не сломлен и готов продолжать борьбу за лозунги 1905 года», – отмечается в редакционном предисловии к изданию «Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи (Воспоминания современников. Материалы и документы) под общей научной редакцией доктора юридических наук А. В. Иванченко (Москва, 2008).

Председательствовал во Второй думе кадет Ф. А. Головин.

О земле, социальной справедливости и автономии

В Российской империи тогда были три главных вопроса, которые в той или иной степени в современной независимой Украине вновь стали актуальными.

Первый – что делать с землей? Оставить все, как есть; изменять права владения, но добровольно; менять не добровольно, но за выкуп; менять не добровольно и без выкупа.

Второй – рабочий вопрос. По всему миру тогда была огромная диспропорция между трудом и капиталом. Труд получал мало, капитал получал много. И рабочие были этим недовольны, протесты ширились повсеместно. Это было общеевропейское, общемировое явление. Требования доходили до рабочего контроля над предприятиями с фиксированной долей прибыли для владельца. Но земельный вопрос все равно был главным, поскольку рабочих количественно было намного меньше. Российская империя, несмотря на иностранные инвестиции в промышленность, оставалась аграрной страной.

Третий вопрос – национальный. Уже тогда стали появляться политики, которые считали для многонациональной империи наиболее предпочтительным, как сейчас бы сказали, федеральное государственное устройство, а по определению Михаила Грушевского – автономизацию.

Нараставшее недовольство «свободных сельских обывателей» своим положением, низкий уровень платежеспособности большинства их хозяйств, негативно сказывавшийся и на состоянии государственных финансов, – все это свидетельствовало, как минимум, о необходимости серьезной корректировки политики самодержавия по отношению к крестьянству.

В Государственной думе второго созыва аграрному вопросу посвящались два заседания еженедельно, для выступлений записалось 190 депутатов, каждое пятое выступление звучало из уст украинских депутатов.

Активно на левом фланге действовала Трудовая группа (неофициально – трудовики), созданная еще в Первой Государственной думе в апреле 1906 года, как группа депутатов из крестьян и интеллигентов народнического направления. В рядах её было несколько социалистов-революционеров, а сначала и несколько социал-демократов. К февралю 1907 года в империи имелось 32 местных комитета Трудовой группы, со многими тысячами зарегистрированных активных членов. При этом, организовавшись наподобие политической партии, «трудовики» противопоставляли себя политическим партиям, настаивая на том, что они – беспартийные.

Трудовики, к числу которых принадлежал и мой прадед, отстаивали радикальную программу отчуждения помещичьих и частновладельческих земель – фактическую национализацию земли.

Подготовку аграрной реформы трудовики предлагал передать крестьянам, которые должны были избрать на основе всеобщего избирательного права местные земельные комитеты.

Программа трудовиков содержала требование «народовластия»: введения всеобщего избирательного права, отмены всех сословий, национальных и религиозных ограничений; немедленного принятия законов, обеспечивающих неприкосновенность личности, жилища, переписки, свободы слова, печати, собраний, союзов, петиций и манифестаций.

Правительство относилось к Трудовой группе, как к организации радикально революционной; некоторые газеты, напечатавшие её платформу, были конфискованы, с привлечением редакторов к суду.

Вот в этой до предела накаленной обстановке в четверг 18 марта 1907 года мой прадед выступил в Думе по аграрному вопросу.

Стенограмму его выступления я нашла в сборнике стенографических отчетов Второй Государственной думы.

Выступление моего прадеда – это фактический ответ по всем пунктам князю Д. Н. Святополк-Мирскому (партия «Союз 17 октября» – октябристы), который заявил, что, «если мы не будем дорожить

нашими частными владельцами... то мы поставим наше серое, темное, невежественное крестьянство в положение стада без пастыря»; «крупные хозяйства – поместья – дают стране большую часть товарного хлеба. Если мы поступимся этими передовыми сельскохозяйственными предприятиями, то обречем города на голодное существование».

С тем, что он – представитель крестьянского «стада», мой прадед категорически не согласился!

Набирая этот текст на компьютере, я убедилась, что Евмен Карпович Чигирик – крестьянин из села Боровица был превосходным, уверенным в себе оратором. О том, что выступал он не «по писаному», свидетельствуют его реплики и ответы предыдущим выступающим, к слову сказанные. Впрочем, судите сами...

Речь моего прадеда Евмена Карповича Чигирика во Второй государственной Думе по аграрному вопросу 18 марта (по старому стилю) 1907 года:

– Господа народные представители, предшествующие ораторы слева, как сегодня, так и ранее уже объясняли происхождение и значение священной частной собственности, поэтому я уже этого повторять не стану, а расскажу только о собственности крестьян.

Я сам из Чигиринского уезда Киевской губернии. Это родина Богдана Хмельницкого. Я именно из той части Чигиринского уезда, где половина его состоит из бывших государственных крестьян. Эти крестьяне никогда не знали барщины и крепостного права. Село, из которого я происхожу, как и села половины этого уезда, существуют уже более трехсот лет, и во все это время крестьяне владели землей, лугами, усадьбами, пахотными землями.

Когда был последний раздел Польши, то эта местность была присоединена к России, и всех крестьян, которые жили в той половине уезда, причислили к государственным крестьянам, и сказали, что, так как вы государственные, то и земля ваша – государственная, а за то, что вы пользуетесь этой землей, вы должны работать барщину, и даровали нас чиновникам на определенные сроки – лет на двенадцать каждого.

Три срока работали наши отцы: один Лангушеву, другой Гуриеву, третий Каикрину. Потом сказали, что все равно это вам не пособляет,

нужно еще платить за эту землю оброк. Мы платили и этот оброк. Затем говорят, что и оброк не пособляет, нужно еще выкуп платить за эту землю, мы и выкуп платили. Наконец крестьяне, конечно, как земельные, так и безземельные, отбывают воинскую повинность, которую несут безвозмездно.

Вы видите, господа, что крестьянская собственность приобретена давностью, так как село это существует не менее трехсот лет, – это известно из истории, – и что она основана и на давности, и на барищине, и на оброке, и на выкупе и, наконец, и на воинской повинности, но все-таки она не может считаться собственностью.

В 1854 году была так называемая люстрация – межевание земель и при этом отрезали половину земель. Частью этих земель наделили других крестьян, которые жили от этих земель верст за 25, а другую часть опять-таки обратили в чисто казенную собственность, так что крестьяне должны были арендовать ее у казны с торгов. Затем те участки, которые оставались свободными от аренды в 70-х годах, были переданы разным чиновникам.

Некоторые чиновники сейчас же продали эту землю тем самым крестьянам, которые ее раньше владели, а некоторые еще владеют ею до сих пор. Это один пример, как соблюдается собственность в отношении крестьян.

Затем другой пример. Тамошние крестьяне, например, крестьяне села Головки, Медведовки и Мельников, владели садами в помещичьих лесах. Эти сады были записаны за крестьянами по инвентарю 1848 г., а потом по уставной грамоте 1861 г. После освобождения крестьян помещики предлагали крестьянам обменяться на эти сады так, чтобы эти сады остались за помещиками, а им дать землю. Один крестьянин села Головки Бухтин имел 6 десятин сада. За этот сад помещик ему предлагает за каждую десятину по 6 десятин земли полевой, т.е. за 6 десятин сада 36 десятин поля. Этот крестьянин не захотел поменяться. Тогда издали закон, по которому крестьянские сады должны быть выведены силой из помещичьего леса. Составилась комиссия из мировых посредников, рассудили, что пусть крестьяне попользуются еще этими садами 15 лет и затем отдать на горах такое же количество земли, какое занимают их садки.

Крестьяне сначала не верили, что их садки отберут, так что эта

земля осталась вроде выгона и ею все пользовались, но, когда минуло 15 лет, то их из леса на самом деле выгнали, а им сказали: «Вот вам здесь земля, заводите садки или что знаете».

Я должен сказать, что садки, которые помещаются в лесах, большую часть располагаются в ярах и лесных долинах, так что, когда бывают заморозки, то влага обрагов избавляет их от заморозков во время цветения, а летом, когда бывают бури, эти леса защищают плоды от бурь.

Те места, которые отвели на горах, вроде Лысых гор, совершенно непригодны для садоводства. Таким образом, вместо этих садов им отвели такую землю, которая не стоит 1/6 части этих садов. Это другой пример неприкосновенности собственности.

Затем там есть село Лебедин. В этом Лебедине есть сахарный завод, находящийся во владении одного частного лица, причем через землю крестьян в интересах этого частного лица проведена железная дорога без согласия крестьян; это третий пример неприкосновенности собственности.

Вы видите, господа, поэтому, что, если здесь говорилось о неприкосновенности собственности, то это собственность не наша, крестьянская, а собственность совсем другая; к нашей же, крестьянской собственности, прикасаться можно, и это делается на самом деле.

Вот предшествующий оратор говорил уже, на чем основывается эта собственность, и я это повторю, только он не совсем точно передал эту историческую песенку: «Государыня Екатерина напасть напустила, что степь – добрый край, веселый, нам наделила». (Аплодисменты слева).

Когда у нас, я забыл сказать, в том селе, из которого я происхожу в 1854 г., отмежевали половину земли, то оставили крестьянам этого села всю землю – усадебной, сенокосной и пахотной по одной десятине на ревизскую душу, остальные превратили в участки. С тех пор крестьяне пробовали переселиться в Томскую губернию. Переселилось тогда всего душ 40, но на месте осталось не больше десятой их части, все остальные вернулись назад.

Они рассказывали, что тамошний климат такой, что, например, уже после весеннего Николая женичины, извините, мыли рубахи на реке на льду, и потому они там не могли удержаться. Так что и в настоящее

время эти самые крестьяне только тем и живут, что ходят на заработки ежегодно, начиная с 12 лет. Стариков же почти нет, потому что до 50-летнего возраста редко кто доживает.

Есть правило, что никто не может быть судьей в своем собственном деле. Мы, крестьяне, пользуемся землей, за которую, как я рассказывали, много жертвовали и платили. Этот закон был создан не нами, а правительством, состоящим из противоположных классов, и все-таки эту собственность нарушали.

Кто же создал закон, которым хотят теперь руководиться, например, господа правые, что это их собственность? Они сами его составили. Если они составили тогда такой закон для нас, то теперь, я думаю, в интересах всего народа и Отечества Государственная Дума имеет право издать такой закон о земельной собственности для всего народа. (Аплодисменты слева). Этого требует справедливость и просто народная нужда неумолимая, необходимая. Мир, природа, земля созданы Богом, а права на эту землю, условия пользования созданы человеком, а все то, что человек создал, человек же может и изменять, если в этом есть надобность. (Аплодисменты слева).

Создавая закон о принудительном отчуждении частновладельческой земли, мы этим не только не будем нарушать право собственности, а, напротив, мы восстановим это право собственности нации, народа на те земли, которые захвачены у него неправильно людьми, имевшими власть или им прислуживавшими.

Говорят, что собственность неприкосновенна, священна. А жизнь человека, которого посылают на смерть защищать Отечество, это чья собственность? Однако, они могли его посылать. Здесь говорят, что мы, крестьяне, некультурны, неспособны и т.п. Никто этого так не знает, как мы сами. Но я вам отвечу словами одного благородного француза: за нравственный уровень народа отвечает тот порядок, при котором народ должен жить. Значит, каков порядок, таков и народ. От кого же исходит этот порядок? Конечно, не от нас, а раз не от нас, то и винить нас за него не надо. (Аплодисменты слева).

Во всяком случае, я желал бы и буду ожидать, что здесь, с этого места, кто-нибудь из правых взойдет и скажет, признает ли он нас теперь способными к прогрессу, к усвоению культуры и просвещению?

Здесь говорилось об английских лордах. Да, мы знали, что в Англии

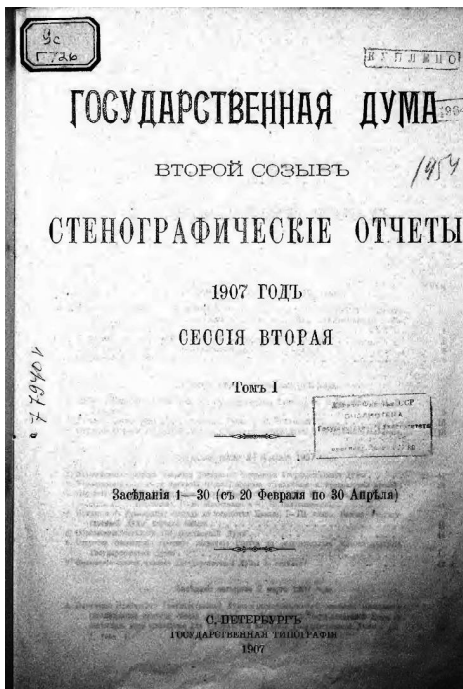
есть лорды, но тамошние лорды создают законы, при посредстве которых мы ввозим туда сахар и продаем его по 5 коп., а своих крестьян, которые прилагают свой труд на этот продукт, мы лишаем этого продукта. А мы ценим его по 15 коп., не меньше. Здесь уже говорилось о том, что этот сахар вывозится за границу, что он продается там по 5 коп. Я пойду несколько дальше по этому предмету. Около пяти лет тому назад русский сахар был вывезен в Северо-Американские Соединенные Штаты. Наши сахарозаводчики, сахарный синдикат, пустили сахар в продажу по 5 коп. Американские сахарозаводчики, которым сахар обходится по 8 коп., запротестовали против этого на том основании, что, если русский сахар будет продаваться по 5 коп., то они принуждены будут закрыть свои сахарные заводы.

Тогда американское правительство передало это дело по их тамошнему порядку на решение суда. На суд явились представители от нашего Министерства финансов и заявили, что этот сахар продается дешевле из коммерческих расчетов сахарозаводчиков и что правительство в этом не замечено. Тогда американский Сенат рассудил иначе, что русское правительство отказывается от участия в этом сахарном синдикате, тем не менее, условия, которые оно создало, равносильны премии; в виду этого сахар был обложен такой пошлиной, чтобы он не побивал американскую торговлю сахаром.

Если наше правительство в самом деле не участвовало в этом сахарном синдикате, не было в нем заинтересовано, то оставалось сказать сахарозаводчикам: «Ну что же, получили по носу и выносите на здоровье!». Но вышло, что наше правительство в свою очередь наложило пошлину на американские товары – машины и т.п.

Положим, что все это приносило только экономический вред, но за сим последовал вред политический. Американское правительство и нация с самого начала относились дружественно к нашему Отечеству, но из-за этого сахарного синдиката создались холодные отношения. Следовательно, если можно так выразиться, сахарный синдикат создал враждебные политические отношения с Америкой.

Когда Япония готовилась к войне с Россией, она, конечно, учла это обстоятельство. Она воспользовалась этим случаем и в то время, когда происходила сама война, Япония доставала в Америке деньги, припасы и разные вещи.

Стало быть, этот сахарный синдикат, кроме экономического вреда, принес еще просто вред политический.

Я это говорю к тому, что есть люди, которые считают, что сахарный синдикат покровительствует промышленности, а если и не покровительствует, то во всяком случае делается это ради людей, которые имеют там государственный интерес и более его чувствуют и защищают. На самом деле никоим образом нельзя считать, что они защищают государство, напротив, они приносили ему вред.

Посылая нас сюда... Я не стал делать выводов, вы, господа,

можете делать выводы сами по совести и разумению... Посылая нас сюда, крестьяне поручили нам стараться добывать землю, волю и просвещение. (Аплодисменты центра и слева).

Источник: «Государственная Дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Том I. Заседания 1–30, с 20 февраля по 30 апреля. С-Петербург. Государственная типография. 1907, с.1334–1338).

Украинская фракция: рядом с Михаилом Грушевским и Иваном Франко

Болезненные для экономики и общества проблемы, которые невозможно было решить на уровне общего политического пространства, в частности вопрос о земле, перерастали в знакомые нам по современности процессы децентрализации. При обсуждении путей проведения аграрной реформы возник вопрос о создании Государственного земельного фонда. Украинские депутаты в Думе считали, что такой

фонд должен находиться в руках не центральных, а местных учреждений.

Учитывая тот факт, что каждая из политических партий в Государственной думе не поставила вопрос об автономии краев во всей полноте для лишенных государственности народов России, украинцы в конце мая 1907 года решили выйти из различных парламентских групп и основать отдельную фракцию с собственной программой, организацией, тактикой и дисциплиной (Матушевський Ф. Українська громада в другій Державній думі // Літературно-науковий вістник. – 1907.– Кн. VII. – С. 97–98).

Так во Второй Государственной думе появилась «Украинская думская громада», которая насчитывала 47 членов. И среди них – мой прадед. Громада издавала журнал «Рідна справа. Вісті з Думи» (апрель – июнь 1907). В нём печатались речи членов Думы, заявления граждан, в которых выдвигались требования предоставить Украине в её этнографических границах политическую автономию, ввести украинский язык в школах, судебных и административных органах.

В этой связи Евмен Карпович Чигирик упоминается в научном исследовании Марины Киян: «Не претендуя на политическое отделение от России и создание независимого государства, депутаты-члены фракции высказывались в программе за «решительную и бесповоротную реорганизацию управления с точки зрения национальной и территориальной автономии» с предоставлением прав на самоопределение и самоуправление. В Государственной думе первого созыва депутаты М. С. Онацкий, В. М. Шемет, П. И. Чижевский, в Думе второго созыва – Ю. А. Сайко и Е. К. Чигирик на всю страну заявили о том, что «Украина не только часть государства, а еще и нация». Тогда же прозвучала идея автономии Украины. Эти взгляды чаще всего высказывались во время обсуждения других вопросов, прежде всего аграрного, и вопросов о гражданских свободах» (автореферат диссертации по праву и юриспруденции на тему «Депутати від українських губерній та міст у Державній Думі Російської імперії першого та другого скликань (1906–1907 р.р.)» на соискание степени кандидата юридических наук; Национальная юридическая академия Украины; Киян Марина Шарифовна, УДК 340.0(09), Харьков – 1998).

В частности, в предложенный Министерством просвещения законо-

проект о народном образовании были внесены принципиальные поправки относительно обучения в начальных школах на родном языке. Были подготовлены законопроект о местном самоуправлении и автономии Украины.

Для освещения своей деятельности в Думе община основала журнал «Украинский вестник», в котором сотрудничали М. С. Грушевский (земляк, родом из-под Чигирина), Иван Франко, а также выдающийся ученый-экономист своего времени (кстати, уроженец Слобожанщины) М. И. Туган-Барановский. Впоследствии он станет министром (секретарём) финансов Украинской народной республики и примет участие в создании Украинской академии наук.

«Ой, не знав козак...»

Как же мне хочется посмотреть на прадеда Евмена! Однако даже в биографическом справочнике депутатов Второй Государственной думы, изданном в Петербурге в 1907 году, на странице с его биографией, где должна была быть размещена и его фотография, почему-то пусто – «белый овал».

В Интернете нашлась коллективная фотография депутатов Второй Государственной думы от Киевской губернии. Я провела целое расследование, пытаюсь идентифицировать лица на снимках, сличая персонажей по известным фото из биографического справочника методом исключения, однако у меня ничего не получилось. Неидентифицированными оставались два депутата: кто из них мой прадед? Но, нет, они не подходят по возрасту. К моменту избрания в Думу моему прадеду было уже 54 года. По тем временам – весьма солидный возраст.

Опубликован и внушительный фотоснимок депутатов Второй Государственной думы от Трудовой группы. Уверена, что среди них есть мой прадед, но вот только – где он среди десятков лиц? Ответа нет.

Мой прадед – суровый мужик из бесстрашного казацкого рода всю жизнь любил одну-единственную женщину – мою прабабушку и тещку – Олену.

Конечно же, она была первой красавицей в Боровице, к тому же далеко не из бедняков (говорят, у ее отца даже была мельница). К Олене сватались лучшие сельские парни, но всем сватам она выставляла «гарбуз». Приняла лишь предложение Евмена.

Был ли он неотразимым красавцем или дивчину привлекали в этом человеке незаурядный ум и богатая душа?

Олена родила моему прадеду семерых детей, и скончалась совсем молодой, не дожив до 40 лет. И Евмен Карпович после этого дал обет – никогда не жениться вновь. Всю оставшуюся жизнь провел вдовцом. Более того, после смерти жены он поклялся, что ни одна другая посторонняя женщина, даже в качестве помощницы по хозяйству, не переступит порог его дома. И сдержал слово.

Вела хозяйство, готовила и обихаживала братьев младшая дочь Агафья, затаившая обиду на отца за то, что из-за постоянных домашних хлопот так и не получила образования. А быть образованной, как братья, Агафья очень мечтала!

Местные краеведы оставили записки о том, что Евмен Карпович, превосходно играл на народных музыкальных инструментах и даже записывал народные мелодии нотами (!), которые отправлял композитору Николаю Лысенко. И таким образом якобы состоял с выдающимся украинским музыкальным деятелем в личной переписке.

Мне захотелось проверить эту информацию, и я написала запрос в Киев – в Музей выдающихся деятелей украинской культуры.

Ответ пришел буквально через день: «Многоуважаемая Елена Леонидовна! Я – Скорульська Роксана Никитична, зав. музеем Николая Лысенко.

Работаю в музее со времен его создания – уже 40 лет. На сегодня я – наиболее осведомленный о переписке Н. В. Лысенко ученый: издала

*Музей истории села Боровица,
фрагмент экспозиции музея,
Черкасская область (2014)*

в 2004 г. подробный эпистолярый «Николай Лысенко. Письма», куда вошли 550 писем без купюр, а в комментарии включены и некоторые письма к нему. В 2015 г. издала первую часть летописи «Николай Лысенко. Дни и годы», куда вошли все известные в настоящее время письма к Лысенко до 1902 г. К изданию готова и 2-я часть летописи (1903–1912). Таким образом, собрано все, что удалось разыскать из переписки Лысенко. К большому сожалению, мне ни разу не попались письма от Евмена Чигирика, ни ссылок в письмах Н. В. Лысенко на с. Боровица. Все, что есть из переписки в Институте искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Т. Рильского НАН Украины, в библиотеке им. Вернадского или в Институте литературы, львовских, харьковских и других архивах, вошло в упомянутые издания.

На сегодня письма, писанные к Лысенко, разбросаны и по многим авторским архивам, и практически, эта тема еще почти не исследована. Однако имя Вашего прадеда указано самим Н.В. Лысенко в авторских изданиях «Сборников украинских народных песен для голоса и фортепиано»: Выпуск 5, Киев, 1892; № 2. «Ой, не знал козак» («О Супруне») – вариант с Черкасского уезда (ремарка в издании 1882 г.: с. Боровицы, Чигиринского уезда); № 3 «В городе, в Тамани» – (ремарка в оригинальном издании: с м. Боровицы, Чигиринск. пвт., от Евм. Чигирика); № 27 «Ой, прибудь, прибудь» – с. Боровицы, Чигирин, пов.». Также есть ссылки в авторском издании: «Девятый десяток», 1900, Киев. (Песни №№ 1–3. 5. 7 – для мужского хора; №№ 4, 6, 8-Ю – для смешанного хора). (Цензурное разрешение 30 октября 1899 года): № 4 «Течет река бережками» («О любви») – с. Боровицы (Киевщина).

Это все, что удалось найти. И это подтверждает факт общения Евмена Карповича Чигирика с Н. В. Лысенко. Хотя, возможно, личного общения не было, потому что Лысенко, в ответ на его обращение в газетах, много кто присылал записи народных песен».

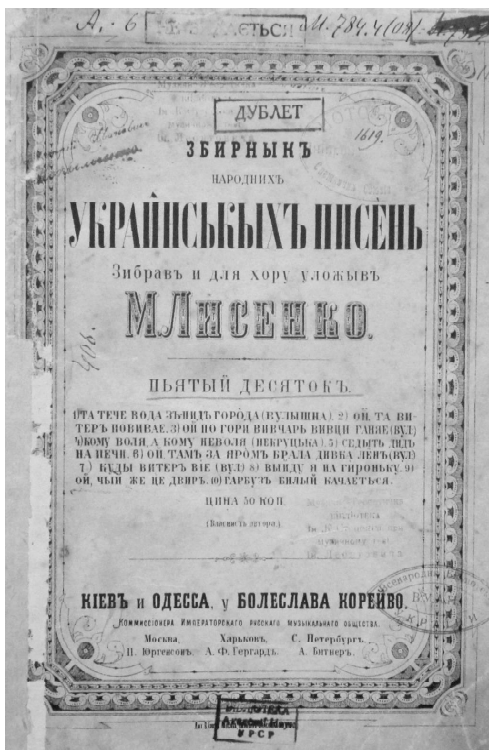
Что ж, не исключено, что в музыку прекрасных опер Лысенко «Наталка-Полтавка» и «Тарас Бульба» вплетены боровицкие музыкальные мотивы, записанные моим прадедом!

Например, вот из этой баллады:

*Ох, і виведіте, мене виведіте
На Савур-могилу,
Гей, нехай стану, гляну-подивлюся
Я на мою Україну!*

Украинские крестьяне в Российской империи редко именовали себя «украинцами», но они прекрасно знали про «Украину». В народных думах и песнях говорится о «славной Украине», о «нашей славной Украине», о «козацкой Украине».

«Живой организм украинского народа сохранил только корни, его цветы – интеллигенция – завяли и осыпались», – сетовал в начале XX века писатель Михаил Коцюбинский.

Лысенко Николай Витальевич (1842–1912). Сборник народных украинских песен: (для хора в сопр. фп. или фисгармониума). Десяток 5 / Собрал и для хора уложил Н. Лысенко. – Киевъ и Одесса: изд. Болеслава Корейво, комиссионера Императорскаго русскаго музыкальнаго общества; [Киев]: Собственность автора [М. В. Лысенко]; Москва: П. Юргенсонъ; Харьковъ А. Ф. Гергардъ, с. д. 1892 (Лит. В. Гроссе в Москве). Из собрания Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского (<http://www.nbuv.gov.ua/node/3426>).

А мне как определить сословие моего деда-прадеда? Воспитанные вольным казацким духом бунтари, но при этом предприимчивые труженики; зажиточные хозяева, использовавшие наемный труд, но при этом увлекавшиеся народническими и социалистическими идеями; покрестьянски прагматичные, но при этом не чуждые сентиментальной романтики.

Может быть, это был нарождающийся новый средний класс? А, может, опора украинской земли и воплощение духа ее народа?

О чем клекочат аисты?

В Боровицкой общеобразовательной школе завуч по воспитательной работе Людмила Алексеевна Збаражская рассказала мне, что ныне покойный учитель физики Никита Никитович Токовенко – один из учеников и воспитанников моего деда, увлекся краеведением и написал книгу об истории села и его людях.

Обычно краеведами-энтузиастами становятся учителя истории, а в Боровице физик оказался настоящим лириком, назвав свою книгу очень поэтично «Гречанки плин, лелечий клеки́т».

Гречанка – это местная река, некогда бывшая даже судоходной, которая канула в Лету после строительства Кременчугского водохранилища. Слово «плин» – по-русски можно перевести, как «тихое спокойное течение». Этой метафорой автор придает речушке своей малой родины образ широкой и могучей, почти античной Реки Времени.

Ну, а «лелечий клеки́т» – это клекот аистов. Скорее не прощальный, а призывный...

Небольшая брошюрка об истории села, изданная местным учителем физики, библиографическая редкость. В этих записках Никиты Никитовича Токовенко целая глава посвящена роду моего деда! И называется она – «Династия, которая защищала обездоленных».

К 100-летию отечественного парламентаризма в различных исследованиях, справочниках и на сетевых ресурсах стали появляться биографические справки о первых депутатах Российской империи. Есть такие данные и о Евмене Чигирике с пометкой, что после роспуска Второй Государственной думы «дальнейшая его судьба неизвестна».

Благодаря запискам сельского краеведа, мы теперь знаем, что дальше случилось с моим прадедом Евменом Карповичем и его семьей.

Текст этого важнейшего для нашего рода свидетельства я публикую в переводе на русский язык, без сокращений с сохранением авторских особенностей изложения. Я позволю себе лишь некоторые уточняющие ремарки в скобках по ходу повествования.

**«Династия, которая защищала обездоленных»
(Из воспоминаний учителя Боровицкой школы
Никиты Никитовича Токовенко)**

«В начале XX столетия усилилась социальная дифференциация в селах Чигиринщины, сокращалась экономика, росли налоги. Расслоение на селе приводило к обострению социальных противоречий и вызвало недовольство значительной части крестьян. Так, в Боровице зажиточные крестьяне имели четыре водяные мельницы и 31 ветряную, три маслобойни и крупорушку, кроме того производили сукно на станках. А большинство крестьян задыхались от безземелья.

Крестьяне Боровицы, отслужив молебен, снаряжают в Петербург депутата Второй Государственной думы от Чигиринского и Каменского уездов, односельчанина Евмена Карповича Чигирика с такими требованиями: амнистия заключенным (за исключением убийц и грабителей); сокращение государственных расходов и увеличение их на народное образование, отмена военно-полевых судов; передача помещичьей земли тем, кто ее обрабатывает, забота о здравоохранении крестьян, строительство школ, больниц.

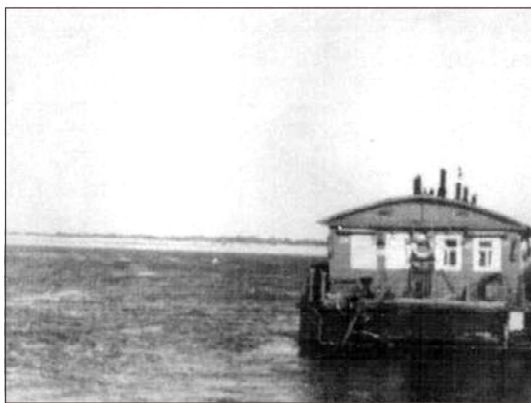
По поводу этих требований чигиринским уездным исправником было проведено негласное расследование, которое затем прекращено за отсутствием состава преступления. Прибыв в Петербург, на одном из заседаний Думы Евмен Карпович как депутат с трибуны заявил: «Мы, крестьяне, пользуемся землей, ради которой много раз жертвовали жизнью. Однако с этим не желают считаться помещики. Они ссылаются на закон. Однако этот закон был создан не нами, а правительством. Это ваш закон, господа правые, а мы хотим, чтобы государственная Дума создала новый закон, народный!».

После роспуска Думы депутат прибыл из Петербурга в Киев, а домой отправился пароходом. Чтобы избежать встречи с жандармами, договорился с капитаном, чтобы у Боровицы, сбавив ход, посигналил бакенщику для передачи груза. Бакенщик Матвей Федченко быстро забрал

пакет с ценной литературой, а Евмен Карпович поехал на пристань Бужин. 8 июня 1907 года у него был произведен обыск, нашли несколько запрещенных печатных изданий, однако к дознанию его не привлекали (по материалам Центрального государственного исторического архива Украины).

Сегодняшние депутаты свободны в любых высказываниях, даже непристойных. А Евмену Карповичу предъявление таких крестьянских претензий грозило опасностью. Чтобы заявить о требованиях крестьян-избирателей, депутату надо было обладать силой воли, выдержкой и мужеством.

Евмен Карпович был членом социал-демократической партии (*автор невольно ошибся или не знал, а, скорее, и не мог знать, что мой прадед был членом Трудовой партии, думаю, моему деду сподручнее было в советское время рассказывать своим ученикам о том, что он сын – социал-демократа. Трудовиков советские историки причисляли к кулачеству, – Е. З.*).

Пристань в Боровице.

Из семейного архива, первая половина XX века

советом к депутату с открытой душой: он вышел из народа, жил в его гуще, беспокоился о его бедах и чаяниях.

Однако только депутатской деятельностью не ограничивался депутат Думы Евмен Карпович. Приятельствовал и общался с композителем Николаем Витальевичем Лысенко. По просьбе композитора записывал

Руководителем организации этой партии в Чигирине был доктор Вуков, который помогал депутату готовить выступление на сессии Второй государственной думы. И Евмен Карпович, и Вуков разделяли одни и те же взгляды на свободу и независимость Украины.

В общении с крестьянами Евмен Карпович был прост и доступен. Потому и крестьяне спешили за

для него песни, которые в те времена были распространены в Боровице и в селах Чигиринщины, и отправлял их композитору в Киев. Более двух лет работал секретарем сельсовета в Трушевцах. Похоронен в Боровице на Дубинивском кладбище (*дата смерти не указана, – Е. З.*).

Евмен Карпович вырастил семерых детей – трех сыновей и четырех дочерей, которые оставили заметный след на земле. Будучи образованным человеком, он стремился того же для сыновей – Григория, Ивана и Павла. Сыновья разделяли взгляды отца, вникали в беды и заботы боровичан, выражали недовольство, если власть не выполняла требований крестьян.

Павел Евменьевич не соглашался с политикой анархистов, не все поддерживал и в деятельности большевиков, особенно не нравилось ему несоблюдение обещаний: сначала дали крестьянам землю, а вскоре отобрали. Местные крестьяне воспринимали недовольство Павла как должное, хотя некоторые и не полностью соглашались с ним. Как-то в Боровицу приехал молодой священник Романенко. Попросился временно пожить в хату к Павлу Евменьевичу. Оказалось, что, кроме службы в церкви, он был еще и агентом НКВД. Павла Евменьевича арестовали по доносу, и он отсидел пять лет в киевском каземате. Отбыв срок, работал в боровицком колхозе сторожем.

Трагическая судьба выпала на долю Ивана Евменьевича. Он окончил военное училище еще при царизме, принимал участие в Первой мировой войне (*вот, оказывается, еще один мой двоюродный дед – участник Первой мировой войны! – Е. З.*), вернулся домой уже после революции. В Боровице был командиром оборонительной сотни (*очевидно – в Холодноярской республике, – Е. З.*), которая защищала покой селян от разных банд, которые как июньская мошкара в послереволюционное время бесчинствовали по селам. Работал счетоводом в сельской кооперации, которая тогда с размахом развивалась.

Когда создавался колхоз «Новый шлях», односельчане выбрали Ивана Евменьевича бухгалтером. Он считал, что учет в колхозе – это самое главное, поэтому его бухгалтерское око было вездесущим. Как образованного, знающего счетовода его нередко приглашали в соседние села для проведения ревизий в разных организациях. От работы только душа радовалась.

Откуда ни возьми – 1937 год... «Черный ворон» разлучил Ивана

Евменьевича с работой, с семьей без каких-либо обвинений. В Боровицу он не вернулся. Преступная пуля энкаведиста остановила его сердце.

Согласно документу, который хранится в государственном архиве Черкасской области (*справка Боровицкого сельского совета от 22 октября 1937 года №23\16– Е. З.*), известно, что «Чигирик Иван Евменьевич по соцположению куркуль, до революции и после революции в своем хозяйстве имел одну хату, один хлев, один склад, один сарай, пару волов, две пары коров, пару коней, пять голов молодняка, сорок пять овец, шестьдесят ульев, земли собственной 20 гектар, земли арендованной – пятнадцать гектар».

Арестованный 23 октября 1937 года, после ареста содержался в Черкасской тюрьме. Обвинялся по ст. 54-10 УК УССР. Решением тройки по Киевскому облуправлению НКВД УССР от 29 октября 1937 года Чигирик Иван Евменьевич был приговорен к расстрелу с конфискацией принадлежащего ему имущества. Приговор приведен в исполнение. Дата не указана.

Определением прокуратуры Черкасской области от 15 июня 1989 года Чигирик Иван Евменьевич попадает под ст. 1 закона по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, которые имели место в период 30–40-х годов и в начале 50-х годов, в связи с чем является полностью реабилитированным за отсутствием состава преступления. «Состав семьи на день ареста: жена Мотря Калениковна (1886 г. р.), сестра жены – Бершадская Устина Калениковна (1899 г. р.). При том уведомляем, что сведений о месте погребения Чигирика Ивана Евменьевича в уголовном деле нет».

Уважаемый читатель! Могла ли семья в таком составе вести вышеперечисленное хозяйство без наемной силы и нет ли в той справке сельского совета преднамеренной фальсификации?

Как сообщил мне племянник, участник Великой Отечественной войны Василий Иванович Щириця, его дядя Иван Евменьевич не был раскулачен, ибо для этого не было никаких оснований: в обиходе были корова, поросенок, хлев, сарай покрытый камышом, четыре улья. Клевета на него была сфабрикована теми, кто сидел в сельсовете, им это было нужно.

Такая же кровавая доля ожидала и старшего брата Григория Евменьевича, если бы он после вызова в органы безопасности в Чигирин,

*Хата Агафьи Евменьевны, середина XX века.
Фото из семейного архива Н.И. Щирицы*

не предъявил текст выступления отца во Второй Государственной думе.

Григорий Евменьевич Чигирик – выходец из простой крестьянской семьи, закончил учительскую гимназию, Киевский университет, военное училище, получил чин штабс-капитана (*вполне вероятно, что этот чин он получил после награждения Георгиевским оружием, – Е. З.*).

Во время Первой мировой войны, воюя с немцами, был начальником штаба батальона. В свое время вспоминал: высокопоставленный военный чинуша приехал в батальон и приказал взять высоту, где укрепились немцы на расстоянии трех километров от русских позиций. Григорий Евменьевич возражал, мотивируя тем, что днем совершать такую операцию бессмысленно: много солдат останется на поле брани. Разгневанный войсковой чиновник отбыл с донесением к высокому начальству, а Григорий Евменьевич с наступлением ночи повел солдат на штурм высоты. Операция завершилась удачно, почти без человеческих жертв.

За безупречную службу и победоносные операции на фронтах получил в награду три Георгиевских креста и Золотую саблю и два шрама от сабельных ударов на лице и шее (здесь есть явные неточности, например, «три георгиевских креста» – не подтверждаются наградными списками, да и не могли быть солдатские награды – кресты присуждены офицеру; «золотую саблю» следует именовать Георгиевским оружием. Хотя эпизод с «начальником штаба батальона» и штурмом высоты можно рассмотреть как версию одного из боев весной или летом 1917 года, когда Григорий

Чигирик в звании штабс-капитана вполне мог служить в штабе батальона, – Е. З.).

Когда возникли в воинских частях революционные волнения солдат, возмущенных кровопролитием в интересах царизма, то некоторые офицеры стали жертвами солдатской ненависти. Григорий Евменьевич этого избежал, ибо солдаты уважали его за тщательную заботу о них.

Вернувшись на родину в Боровицу, он связывает свою жизнь со школой. Женится на вдовой акушерке Елене Филипповне Чигирик (вторая жена моего деда – его однофамилица – Е. З.), у которой были две дочери. Не одна молодуха благодарила Елену Филипповну за роды без осложнений. Григорий Евменьевич оказался добрым отчимом, с Еленой Филипповной они вырастили и общую дочку, которая вместе со мной училась аж до самого выпуска из школы. (Как я узнала, сестру моей мамы назвали Людмилой. Как же мама была бы рада узнать, что у нее есть сестра! Жива ли она, где искать ее потомков? К сожалению, на эти вопросы ответов нет. Говорят, Людмила Григорьевна Чигирик вышла замуж за военного, и ее следы затерялись на постсоветском пространстве, – Е. З.).

Без преувеличения скажу, что Григорий Евменьевич Чигирик, словно Богом был послан в нашу школу. За время педагогической деятельности показал себя безупречным работником, вежливым, чутким, уважительным, принципиальным, деловым и дисциплинированным

человеком. Требовательный к себе, того же хотел и от других, не любил нечестности, подлости, предательства. Глубоко понимал и чувствовал запросы и интересы учеников. В подаче учебного материала тонко анализировал, где слушатели могут столкнуться с трудностями, и сразу же находил возможность разъяснить тему доступнее. Заботился о благе всех учеников, особенной заботой окружал детей-сирот. Вспоминаю, как он, будучи классным руководителем в 8-б классе, по-отечески, с любовью создавал условия для жизни и обучения ученика-сироты Демьяна Ющенко, который жил с сестрой в Бужине.

С тех пор, как я сначала узнал Григория Евменьевича как ученик, а потом и стал ему коллегой-учителем, я не находил ему равных по мировоззрению, деловым качествам, подаче знаний. Не припоминаю такого, чтобы непонятные вопросы, с которыми к нему обращались, он не мог разрешить. А сколько поддержки и уверенности в своих силах

*Г. Е. Чигирик с коллективом учеников и учителей
(в центре в белом костюме), 1930-е гг. XX века*

получили от него молодые учителя! А если кто из коллег фальшивил, тогда шутки плохи – туго им было.

Это был учитель-универсал: он – математик и физик, учитель астрономии, немецкого языка и химии, а, как большая потребность возникала, то учитель и украинского, и русского языка. Будучи завучем, а потом директором, как глубоко он проникал во внутренний мир школьников и молодых учителей!

Свою судьбу с партией не связывал, хотя всегда был в гуще жизни, поддерживал тесную связь с родителями учеников, с общественностью. Любил свое село, трудовой народ. В школу приходил спозаранку вместе с первыми учениками, его портфель был переполнен новыми газетами и журналами. Не знаю, кто еще в Боровице выписывал столько периодики. Не случайно много боровичан стремились, чтобы их дети получали знания именно у Григория Евменьевича. Да и автор этого повествования рад тому, что первые азы науки получил из уст такого наставника. Уместно вспомнить, что этот учитель не дружил ни с курением сигарет, ни с алкоголем.

Методов коллективизации, которые использовала советская власть, не одобрял, поскольку этот процесс происходил насильственно, через крушение человеческих судеб.

– Здесь нужно убеждать крестьян, показывать на конкретных примерах необходимость объединяться в союзы и вместе обрабатывать землю с помощью новой техники, – заявлял он как прозорливый прогнозист. – Крестьяне без давления примут такую форму хозяйствования.

Во время фашистской оккупации уже на склоне лет с нетерпением ждал вестей с фронтов. Радовался, когда мы с моим ныне покойным ровесником Иваном Шевченко приносили ему листовки, сброшенные с наших самолетов. С жадностью читал информацию о ситуации на фронтах, расспрашивал о настроениях жителей сел, о выходах оккупантов, о вестях с Холодного яра. Уверенно твердил:

– Фашистов ждет судьба Наполеона: в 1812 году французы, хотя и вступили в Москву, да вскоре драпали из нее, не оглядываясь. Вот так будет и с сегодняшними пришельцами: у нашего народа хватит патриотизма, терпения, стойкости, силы воли, мудрости и мужества, чтобы сломать хребет озверевшим захватчикам.

В этом была уверена и его жена Елена Филипповна. Такая уверенность не могла не коснуться наших сердец. Мы покидали объятия учителя с жадной жить и бороться. Это было в начале апреля 1943 года.

После освобождения села от фашистских оккупантов Григорий Евменьевич приложил немало усилий, чтобы школа в Боровице вновь заработала. Правда, сначала к руководству школой пришел Ясюченин, однако, несмотря на то, что он был партийным, взял деньги, которые выделила обездоленная держава на восстановление школы, и был таков. Школу ставил на ноги коллектив, возглавляемый Григорием Евменьевичем, хотя здоровье его уже было надломлено. Можно сказать, что он и за вечный человеческий порог ушел с места работы. Действительно, еще сегодня он – председатель экзаменационной комиссии по приему экзаменов на аттестат зрелости о среднем образовании, а через три месяца сердце учителя остановилось.

Автор этих строк и ровесники Григория Евменьевича провожали его в последний путь. Хоронили на Дубинивском кладбище. Процессия была многолюдной, ибо прибыли отдать дань памяти своему учителю не только боровичане, но и бывшие его ученики из соседних сел.

Боровичанин М.С.Шульга – селекционер, кандидат сельскохозяйственных наук, во время траурной церемонии сказал:

– Уважаемый Учитель! Склоняя головы перед вашей светлой личностью, ценя ваши жизненные установки, мы чтим вас за вашу требовательность и справедливость. Ваши знания, что посеяны в наших душах, всегда будут прочно держать нас в этой жизни. Вы, наверное, первый из боровичан, который так хотел для простых людей счастья, кто посвятил себя торжеству добра над злом. Так что сердечно вам спасибо за это. Светлую память о вас мы сохраним в своих сердцах. Пусть земля вам будет пухом! Прошу почтить память Григория Евменьевича минутой молчания...

Дочки Евмена Карповича отличались трудолюбием, доброжелательностью, достоинством и скромностью.

Такие люди, как Евмен Карпович Чигирик, его сыновья Павел, Иван и Григорий – типичные представители сельских тружеников, которые составляли костяк украинской нации, вынашивали идеи свободы и независимости для Украины, стремились реализовать их своими руками и разумом.

Считаю, что они оставили заметный след на жизненной ниве и заслуживают, чтобы вспомнить их, благодарным, теплым и сердечным словом».

...Светлая память и Вам, сельский учитель физики! Низкий Вам поклон, Никита Никитович, за то, что я имею возможность читать Ваши слова о моих предках!

*Выпускницы на пороге Боровицкой школы. 1957 год.
Среди них – в самом центре второго ряда стоит моя троюродная сестра
и внучка сестры моего деда Агафьи – Надя. Деда уже нет в живых.
Но это – аутентичное здание школы, которую он создавал*

Избежать расстрела

В записках Никиты Никитовича Токовенко есть один любопытный эпизод. Речь идет о той самой военной операции, когда мой дед Григорий Евменьевич якобы участвовал в ночной атаке и повел в ней солдат.

Этот эпизод типологически весьма напоминает случай, описанный правнучкой красного комдива Василия Чапаева (Евгения Чапаева. «Мой неизвестный Чапаев». М.: Корвет, 2005):

«Как опытный «охотник» он разведал, что приближается религиоз-

ный праздник у немцев. В такие праздничные дни считается большим грехом воевать. Поэтому ни атак, ни разведок, ни артиллерийского огня с их стороны не ожидается. Он решил, что таким «подарком судьбы» обязательно следует воспользоваться для соединения наших частей. Доложив начальству о своих планах, Василий Иванович еще раз сходил в разведку и подтвердил намерения германских войск в плане празднования. Было решено пробиваться через лагерь противника, явно рассчитывая на их невнимание в связи с принятием спиртного по случаю отдыха. Расчет оказался верным. Чапаев со своими подчиненными шел ночью впереди, прямо через лагерь противника. Предусмотрительно лошадям обмотали копыта. Люди шли почти не дыша. Так велик был риск.

Германцы много пили, много молились и еще больше спали. Спали так, что совсем и не заметили, как через них напрямую прошли крупные подразделения русских.

Наутро завязался большой бой. Меньше всего противник ожидал атаки с тыла. Таким образом, были соединены наши части и выиграно сражение...».

Дело в том, что Василий Иванович Чапаев и мой дед – Григорий Евменьевич Чигирик служили в одном Белгорайском полку, хотя и в разных ротах, но наверняка были знакомы друг с другом.

Я больше, чем уверена, что об этом подвиге с дополнительными подробностями (например, о визите надменного военного «чинуши») дед мог рассказывать своим ученикам в школе. Это вполне соответствовало и идейной установке советского времени – Чапаев был безусловным героем, и понятиям о личной скромности учителя – говорить не о своем подвиге, а о подвиге своего знаменитого однополчанина. К тому же я не исключаю, что в том ночном походе участвовало несколько рот Белгорайского полка, в том числе и, вероятно, мой дед как командир 12-й роты.

Однако мы теперь на основании архивных документов знаем, что Георгиевским оружием с надписью «За храбрость» Григорий Евменьевич Чигирик был награжден не за эту, а за другую операцию.

И еще, мне кажется, что в далеком 1938 году память о Василии Ивановиче Чапаеве спасла моему деду жизнь. Подобно своему брату Ивану, Григорий Евменьевич также был арестован в 1938 году. Без сомнения, ему припомнили петлюровское прошлое.

Есть исследовательница, которая утверждает, что в годы перестройки даже видела в архиве КГБ расстрельный список за 1938 год, в котором значился человек, фамилия, инициалы, место и даже дата рождения, а также место проживания и должность идентичны с данными моего деда. А раз он есть в списках, значит, расстреляли его!

К сожалению, некоторые исследователи чересчур доверяют написанному в архивных документах. А то, что написано в документе могло быть просто не исполнено!

Так и моему деду, в отличие от его брата Ивана, повезло. Попав в так называемые «ежовые рукавицы» – жесточайшие репрессии, проводимые наркомом внутренних дел Н.И. Ежовым, Григорий Евменьевич выстоял. Скорее всего, выдержав допросы и пытки, не подписал никаких документов против себя, никаких доносов на своих коллег и односельчан, и тем самым затянул время.

Массовые репрессии 1917–1938 гг. были остановлены 17 ноября 1938 года совместным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об аресте, прокурорском надзоре и ведении следствия», основные положения которого были впоследствии конкретизированы приказами нового главы НКВД Берия. Ежов был отстранен от должности. Прекращались массовые операции, аресты было приказано проводить исключительно в индивидуальном порядке с санкции прокурора, рассмотрение дел «тройками» запрещалось. Все незавершенные к 17 ноября следственные дела «троек» должны были быть рассмотрены в судебном порядке. Все дела, по которым «тройками» был вынесен, но не приведен в исполнение смертный приговор, должны были быть пересмотрены в судебном порядке. Довольно много арестованных, но не осужденных людей были освобождены. Думаю, благодаря этому, спасся и мой дед.

Можно ли узнать из архивов КГБ причину, по которой Г.Е. Чигирик был выпущен на свободу?

Об этом я советовалась с опытным правозащитником, харьковчанином Евгением Захаровым. Евгений Ефимович ответил, что не стоит хлопотать: в архиве можно найти дела только репрессированных политзаключенных. Если человека отпускали, то дело закрывалось и уничтожалось.

Григорий Евменьевич вернулся в Боровицу.

В поисках клада Добрыни

...смысл нашего пребывания на земле: мыслить и искать, и вслушиваться в дальние исчезнувшие звуки, так как за ними лежит наша истинная родина.

Герман Гессе

*Василий Васнецов. Богатыри. 1898.
Государственная Третьяковская галерея, Москва*

В середине XIX века в селе Невкля Городнянского уезда Черниговской губернии умирал мой прапрадед - дворянин Яков Добрыня-Конюхов. Это был обедневший мелкопоместный дворянин, еле сводивший концы с концами. До отмены крепостного права оставалось еще несколько лет, а он отпустил всех своих крестьян, дав им вольную.

«Ярем он барщины старинной оброком легким заменил...», – эти пушкинские строки сказаны и о моем прапрадеде.

В среде черниговского дворянства стремление к облегчению участи крестьян было довольно ярким общественно-политическим явлением, благодаря выдающемуся юристу, меценату и общественному деятелю,

местному помещику Василию Васильевичу Тарновскому (старшему), который в 1857–1859 годах вместе с известным меценатом Г. П. Галаганом был членом Черниговского губернского комитета от правительства по подготовке крестьянской реформы 1861 года. За особые заслуги в подготовке реформы награждён Золотой медалью на Александровской ленте (1861) и бронзовой медалью в «Память освобождения крестьян».

Я думаю, что такие люди формировали интеллектуально-духовную атмосферу передовой черниговской элиты середины XIX века, вне которой не мог оставаться мой предок, как человек образованный и благородный. Мой прапрадед жил в глубокой провинции, но и его коснулись идейные столичные веяния того времени. Все, что я слышала о нем, представляет его мировоззрение как духовный гибрид «декабризма» в духе Муравьева-Апостола и «народничества» в духе Льва Толстого. Интересно, что в октябре 1859 года неизвестный корреспондент из Городнянского уезда напечатал в газете А. И. Герцена «Колокол» информацию о бесправном положении крестьян.

Бесценное наследство

Единственным бесценным богатством Якова была обширная библиотека, в которой хранились старопечатные издания, доставшиеся еще от его предков, а также родовые жалованные грамоты времен Ивана Грозного.

Яков Добрыня-Конюхов начисто был лишен сословных предрассудков, женившись на крестьянской девушке. У них родилось несколько дочерей и единственный сын, названный в честь отца, маленький Яков Яковлевич – мой будущий прадед.

Хозяин усадьбы лежал, прикованный с постели, а его неграмотная супруга, вырывая страницы из старинных книг, использовала эти «листки бумаги» для растопки печи.

Понимая, что исторические документы и редкие книги могут быть уничтожены самым невежественным образом, умирающий позвал своего верного слугу – конюха и попросил смастерить надежный кованный сундук, сложить туда наиболее ценные книги и древние акты и закопать в саду. Запомнить хорошенько место, чтобы, когда вырастет маленький Яша, откопать семейные реликвии.

Зимой Яков Добрыня-Конюхов ушел в мир иной. А жарким летом слуга отправился купаться на болотистую речку Замглай и утонул. С ним ушла и память о том месте, где был зарыт «клад» Добрыни-Конюхова.

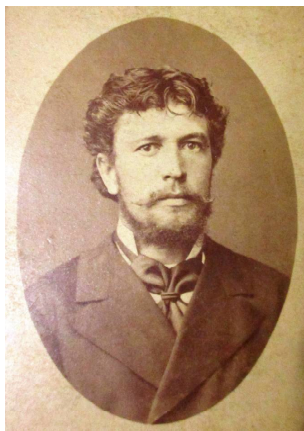
Барыня-крестьянка не могла простить покойному мужу бедность, проклиная свою неудавшуюся жизнь. Старшие дочери были на выданье, без приданого, слуг содержать было не на что, хозяйство приходило во все больший упадок. А тут многие мелкие соседние помещики, используя слухи о грядущей крестьянской реформе, стали заблаговременно переводить своих крепостных в дворовые, отбирая у них землю, а иногда и имущество. Наибольшим было число дворовых как раз в имениях мелкопоместных дворян, так как наличной земли на всех не хватало.

Крестьяне еще в конце 1850-х годов многократно жаловались на барскую несправедливость губернским властям. Была распространена также практика перевода крестьян «на месячину» – эти крепостные не имели своей земли и усадеб, жили на помещичьем дворе и выполняли роль сельскохозяйственных рабочих, обрабатывая господские земли за часть урожая.

И барыня, моя прабабка, сама бывшая крепостная «девка», вознамерилась вернуть крепостные порядки, загоня своих же сородичей-крестьян, на «месячину». По семейному преданию, не выдержав издевательств и несправедливостей со стороны хозяйки, местные крестьяне подожгли хозяйский дом...

Исторический факт: волнения вспыхнули по всей Черниговской губернии. Для умирения крестьян были посланы войска. О размахе протестной стихии можно судить по тому, что только для передвижения карательных войск в селах Городнянского уезда пришлось реквизировать почти три с половиной тысячи повозок.

Произошедший под воздействием «Великих реформ» Александра II перелом в жизни и в мироощущении русского дворянства, выразился, среди прочего, и в серьезном кризисе во взаимоотношениях поколений в дворянской среде. «О какой дворянской семье не спросишь в то время, – писала С. В. Ковалевская, – о всякой услышишь одно и то же: родители поссорились с детьми. И не из-за каких-нибудь вещественных, материальных причин возникали ссоры, а единственно из-за вопросов чисто теоретических, абстрактного характера. «Не сошлись убеждениями!» – вот только и всего, но это «только» вполне достаточно, чтобы

*Яков Яковлевич
Добрыня-Конюхов (1883)*

заставить детей побросать родителей, а родителей отречься от детей. (Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М., 1986. С. 57).

Я не знаю, что было дальше с вдовой и ее дочками, но сын Яков Яковлевич, которому мужики помогли сделать дубовый дорожный сундук и наполнить его нехитрым скарбом, в 14-летнем возрасте навсегда покинул родовое село Невкля и начал самостоятельную жизнь.

Кто помогал моему прадеду встать на ноги, где он учился? Не исключено, что дворянский сирота оказался в одном из благотворительных учебных заведений, опекаемых выдающимся промышленником, меценатом, одним из богатейших людей Российской империи Николаем Артемьевичем Терещенко (1819–1903), ведь родная вотчина Терещенко – Глухов в те времена относилась к Черниговской губернии. Известно, что фантастическую сумму 300 000 рублей Никола Терещенко субсидировал основанному им Обществу распространения коммерческого образования.

Я просто не могу предположить иного пути для смелого и умного молодого человека, каким был мой прадед, чтобы он мог попасть на службу к одному из «первых олигархов» империи.

Много лет Яков Яковлевич Добрыня-Конюхов верой и правдой служил у Терещенко управляющим.

Имения Терещенко отличались высокой организацией свеклосахарного производства, применением новых способов возделывания земли, содержанием чистокровных пород скота, разведением садов и парков. А Теткинское и Глушковское имения по тем временам относились к крупнейшим владениям, имеющим от 5000 десятин земли и более. Как правило, в сферу влияния управляющих входили не только усадьбы, земли и угодья, но и предприятия, расположенные в той или иной местности.

Нет сомнений в том, что мой дед имел возможность набираться опыта и общаться с выдающимися менеджерами семьи Терещенко. Так, действительный статский советник, орденноносный Петр Вильгельмович Бек (1832–1902) много лет был главным управляющим всех

предприятий семьи Терещенко: Ивана Николаевича, Михаила Ивановича в Глуховском районе. Вел дела сахарорафинадных заводов в Хутор-Михайловском, Терещенском, бумажной фабрики в с. Некрасово, мукомольного предприятия в хуторе Павловка и винокурни в Чуйковке, меловых заводов в Наумовке. Или взять Михаила Петровича Шестакова. Это – сахаропромышленник, председатель Южнороссийского общества поощрения земледелия и сельской промышленности. В начале XX века это была заметная фигура в Юго-Западном крае. Шестаков также являлся директором-распорядителем сахарных заводов Федора Артемьевича Терещенко, членом ценовой комиссии Киевского земельного банка и еще четырех российских банков, редактором журнала «Хозяйство».

Торжественная церемония открытия памятника Н. А. Терещенко, Глухов (1909)

Мы знаем, что все, чего достиг «олигарх» Никола Терещенко за долгую жизнь – богатство, положение в обществе, – было результатом его исключительной энергии, твердого характера, удивительной работоспособности. Говорят, вставал хозяин по обыкновению в 4 часа утра, в 5 часов пил кофе в кабинете и начинал приём с докладами управляющих. В 9-м часу завтракал, завершал деловое общение со своими служащими и принимал посетителей.

Похоронили Н. А. Терещенко в Глухове, в родовой усыпальнице Треханастасиевской церкви. В 1909 году в Глухове был сооружен

памятник известному земляку работы скульптора Андреева. Памятник был открыт на площади возле Спасо-Преображенской церкви и в бронзе воплощал Терещенко, сидящего в кресле с высокой спинкой, в спокойной позе умудренного жизнью человека.

Известна фотография, отснятая на торжественной церемонии открытия памятника. Вероятно, среди участников памятных торжеств где-то стоит мой прадед.

Вскоре наследником огромного богатства в шестнадцать лет стал внук Николы Артемьевича – Михаил Терещенко.

О потомках выдающегося предпринимателя в семье не сохранилось доброй памяти. Когда Яков Яковлевич покидал службу, все имущество управляющего уместилось на одной подводке. Добрыня-Конюхов служил настолько честно, что так и остался человеком небогатым.

Главным достоянием семьи Добрыни-Конюхова считалась память о древнерусских предках, столь давняя, что от нее у потомков захватывает дух.

Преданья старины глубокой...

Моя бабушка Вера Яковлевна Добрыня умерла в 1949 году, еще до моего рождения, и история рода, которую она рассказывала моей маме, дошла до меня уже в мамином пересказе. Что-то из услышанного в детстве и юности в памяти сохранилось отчетливо и ясно, как, например, сведения о том, что прадед служил управляющим у Терещенко, а какие-то детали и подробности растворились во времени.

Опорная точка в семейной истории: моя бабушка Вера Яковлевна Добрыня хранила очень длинный свиток старинного, коричневого от времени пергамента (!), в котором родословная рода Добрыни-Конюхова была расписана за тысячу лет. Вполне может быть, что это был так называемый «частный родословец».

В 1927 году после убийства в Варшаве советского дипломата Петра Войкова ОГПУ получила директиву о полной ликвидации вероятных «монархистов» и «белогвардейцев» всеми мерами. В ночь на 10 июня 1927 года в Москве сразу же были показательно расстреляны без суда как заложники 20 человек. Потрясением для бабушки стало то, что все они были представителями древних дворянских семей. В СССР

*Памятник Добрыне, Коростень, Житомирская область,
Украина (2012)*

началась грандиозная «чистка» классово чуждых элементов. Как только об этом сообщили газеты, моя бабушка сожгла родословец. Она боялась, что придут с обыском. И этого документа больше никто не видел. Однако я не думаю, что родословец – семейный миф.

Если бы это родословное древо удалось сохранить, то сейчас, конечно же, в семейной истории не оставалось бы неразрешимых загадок, и мне не пришлось бы мучительно пытаться почти вслепую нащупывать «родовые маркеры» в сложной, запутанной междуособицами многовековой отечественной истории.

Впрочем, важнее всех фактических подробностей о древности рода была атмосфера семьи Добрыни-Конюхова. Это добродетель бесребреничества, идеал высоких моральных ценностей, преданности своему народу и его культурному наследию. Причем, главное внимание обращалось на умение беречь свою честь, на бескорыстное служение общественному благу, на благородство поступков и помыслов.

Я думаю, что атмосфера эта и воспитательные акценты были не случайны, они естественным образом культивировались в семье из поколения в поколение на исключительных исторических образцах.

Итак, по семейному преданию, согласно утраченной родословной, основателем нашего рода считается Добрыня, дядя и наставник Владимира Святого (Красное Солнышко). Из поколения в поколение передавались сведения, что от легендарного княжеского «дядьки» и ведет свое происхождение фамилия.

*Малуша и ее сын
Владимир Святославович,
Коростень, Житомирская область,
Украина (2012)*

Откуда в услужении у княгини Ольги появились ключница Малуша (мать Владимира Крестителя Руси) и ее брат Добрыня – вопрос дискуссионный в исторической литературе. Историки издавна стараются разгадать эту загадку.

Собирая по крупницам летописную информацию и анализируя народный эпос, можно попытаться восстановить общую картину жизненного пути боярина Добрыни. Конечно, в силу специфики источников, эта картина будет фрагментарна и даже гипотетична, однако позволит представить, как жили и действовали во времена Киевской Руси реальные прототипы былинных богатырей.

О происхождении Добрыни есть данные в «Повести временных лет». Он представлен там родным братом Малуши,

которая являлась ключницей княгини Ольги, т.е. фактической хранительницей всего княжеского имущества. Очевидно, значимость

должности обрекла Малушу на потерю личной свободы, однако последнее не умаляло в те времена ее высокого политического и социального статуса. Малуша стала возлюбленной киевского князя Святослава, сына княгини Ольги. Она родила Святославу прославленного в русской истории князя Владимира Красное Солнышко (он же Владимир Святой).

Откуда же появились при княжеском дворе Добрыня и его красавица-сестра? Отца Малуши и Добрыни по летописи звали Малко Любечанин. Он, судя по всему, тоже был знатным человеком и проживал в одном из городов чернигово-северской земли – Любече.

Восстанавливая происхождение боярина Добрыни, приходится обращаться к гипотезам историков, которые за неимением точных летописных сообщений, основаны на логических предположениях.

Некоторые историки склонны считать, что Малко – это не кто иной, как бывший древлянский князь Мал, виновник гибели князя Игоря, мужа княгини Ольги, и несостоявшийся ее жених, которого после разгрома древлян княгиня держала в почетном плену в Любече.

Другая версия связывает происхождение Малко Любечанина не с древлянским князем, а с воеводой правителей Киева Игоря, Ольги, Святослава – варягом Свенельдом. Летопись сообщает о сыновьях Свенельда – Мстише и Люте (не исключено, что это был один персонаж – Мстиша-Лют или Мстислав Лютый). Ряд исследователей считает вероятным, что Добрыня и Малуша были детьми Мстиши или Люта-Мстиши и внуками Свенельда. Свенельд был богатым человеком, содержал собственную дружину, причем ее экипировке, по «Повести временных лет», завидовали «отроки» (воины младшей дружины) самого киевского князя Игоря. В дальнейшем он сопровождал воинственного князя Святослава в большинстве его походов и был главным советником и воеводой киевского князя Ярополка Святославича в 972–977 годах.

Былинные прозвища Добрыни Малковича – Резанович и Низкинич/Нискинич (от последнего и произошло былинное «отчество» Никитич) связывают Добрыню с известным боярским родом Резановичей из юго-западной части Руси – Волыни. Здесь с Резановичами некоторые историки соотносят три больших села Калусов (совр. Гряды), Будятичи и Низкиничи. Интересно, что слово «Низкиничи» (низкий, маленький) – это

синоним «Маловичам», т.е. производное от «малого», «маленького», что в данной ситуации возвращает нас к мысли об имени древлянского князя Мала.

С селом Будятичи ряд историков, в частности известный ученый XVIII века В. Н. Татищев и современный украинский исследователь Ю. Дыба, связывают место рождения племянника Добрыни – будущего великого киевского князя Владимира. В Будятину весь Ольга, по сообщению Никоновской летописи, «в гнев» отправила находящуюся на сносях ключницу Малушу, там и появился на свет Владимир.

Но кто ж знает, как было на самом деле? Происхождение Малуши будоражит умы исследователей не одного поколения.

Вскоре Добрыня появляется на страницах летописей уже как «муж», т.е. представитель старшей дружины, киевского князя Святослава. Добрыня управляет Новгородом. «Повесть временных лет» и особенно I Софийская (Новгородская) летопись пишут о нем с почтением. В Новгородской летописи образ наместника Добрыни даже заслоняет собой на первых порах юного князя Владимира Святославича.

В возвышенных тонах рассказывают о Добрыне былины. Там Добрыня представлен знатным человеком, боярским сыном. Добрыня образован и умен. Он лучше всех играет в шахматы и музицирует на гуслях. При этом он «второй по силе» после Ильи Муромца богатырь, а из лука стреляет точнее всех. И былины, и летописи всячески подчеркивают близость Добрыни к «ласковому князю Владимиру».

Первым важным делом летописного боярина Добрыни явилось участие в разделе Русской земли между сыновьями Святослава. Произошло это в 970 году после смерти Ольги.

«Повесть временных лет» рассказывает, что первоначально Святослав Игоревич думал разделить Русь на две неравные части. Большую часть с Киевом, Новгородом и прочими землями отдать под опеку своему старшему сыну Ярополку. Младшему же сыну Олегу дать Древлянскую землю. Ярополк и Олег названы летописью «законными» сыновьями Святослава, а Владимир – «побочным сыном» от ключницы Малуши.

Однако в предварительные планы великого князя вмешиваются новгородцы, которых явно подбивает к этому их «посадник» Добрыня Малкович. Новгородцы требуют, чтобы и им дали князя и вполне открыто угрожают: «а то сами себе найдем князя...»

Князь Святослав почему-то не впал в гнев, а начал спрашивать своих сыновей Ярополка и Олега, не хотят ли они сесть в Новгороде? Эти молодые князья отказались. Вот тогда-то Добрыня Малкович и напомнил о существовании третьего великокняжеского сына Владимира.

В итоге инициатива дяди по матери сыграла решающую роль в судьбе Владимира. Он не затерялся в княжеской дружине, а стал князем-наместником отца в одном из важнейших центров Руси – Новгороде. По летописным данным, молодой князь ничего не предпринимает без совета с Добрыней.

После гибели Святослава весной 972 года его сыновья Олег, Ярополк и Владимир стали фактически автономными правителями трех частей Руси. Это нарушало логику становления и роста единого государства, поэтому киевский князь Ярополк, старший из Святославичей, стал стремиться восстановить единство. После расправы с Олегом Древлянским у Ярополка возникло желание прибрать к своим рукам и владения сводного брата Владимира Новгородского. В Новгород были посланы войска и новые киевские наместники. По совету Добрыни Владимир бежит «за море к варягам». Судя по всему, не с пустыми руками, а с той данью, которую, по совету с новгородским вече, собрал для него посадник Добрыня Малкович. Сам Добрыня также на время покидает Новгород.

Имя супруги исторического Добрыни Малковича неизвестно, но в некоторых художественно-публицистических произведениях, например, в романе Анатолия Членова «По следам Добрыни», есть версия, что норвежский правитель Хакон, когда под его покровительством скрывались за морем Владимир со своим наставником, согласился отдать воеводе Добрыне свою дочь в жены.

Власть Ярополка над Новгородом продлилась недолго. Уже в 978 году вернулся «из-за моря» Владимир, ведя нанятую в Скандинавии дружину. Новгородское вече прогоняет наместников Ярополка и возвращает в город Владимира и его дядю Добрыню.

Все это означает большую войну за великокняжеский престол в Киеве. Очевидно, сил новгородцев и варягов Владимира для такой цели недостаточно. Поэтому Добрыня настоятельно советует князю-племяннику жениться на Рогнеде, дочери соседнего полоцкого правителя Рогволода. Княжеский брак в те времена был лучшей формой

военно-политического союза. Брак с Рогнедой мог стать решающим фактором в войне с Ярополком Киевским.

Это понимал и Ярополк. Он тоже озаботился союзом с Полоцком и тоже сватался к Рогнеде, по крайней мере, она в 978 году намеревалась идти замуж именно за Ярополка Святославича.

Случись последнее, Добрыне вряд ли удалось бы отстоять права племянника Владимира не только на Киев, но и на Новгород, ибо военных сил Киевской державы и Полоцкого княжества хватало для разгрома новгородского войска.

Вначале события развернулись неблагоприятно для Добрыни и Владимира. Гордая Рогнеда на вопрос отца: хочет ли она пойти за Владимира, ответила отказом: «Не хочу разути робичича (сына рабыни), а хочу пойти за Ярополка!» (по версии «Повести временных лет»). Нестор, предполагаемый автор «Повести временных лет», счел нужным назвать Рогнеду «Гореславной», ибо таким образом обрекла она отца своего и братьев своих на гибель.

У Добрыни и Владимира оставался теперь один способ не допустить объединения сил Полоцка и Киева, а именно – завоевать Полоцк силой. Кроме того, Рогнеда нанесла личное оскорбление и Владимиру, и Добрыне, за которое необходимо было мстить. Вернувшийся в Новгород посадник Добрыня внушает племяннику мысль немедленно идти войной на Полоцк. В этом Добрыня убеждает и новгородцев.

Новгородцы собирают дань на плату варяжской дружине Владимира, сами собираются в полки, и Добрыня Малкович с юным Владимиром ведет их на Полоцк.

Город был взят. Рогнеду «насильем» Владимир обращает в свои жены. Увеличив свои полки за счет полочан и дружины Рогволода, Владимир с Добрыней движутся к Киеву.

По «Повести временных лет» гибель Ярополка и вокняжение в Киеве и всей Руси Владимира отнесены к 980 году.

После занятия великокняжеского киевского стола у Владимира появилась проблема с варягами. Его наемники требовали обложить киевлян данью в их пользу, что не могло, конечно, укрепить положение Владимира в глазах столичных жителей.

И опять мы можем предположить мудрый совет Добрыни. Владимир просит варягов подождать, а сам начинает собирать к себе в дружину

лучших воинов из разных славянских земель. Вскоре собственная дружина Владимира была так велика, что варяги сочли за благо, попросить князя без всякой дани отпустить их в Византию.

После того, как Владимир стал великим киевским князем, он оставляет Добрыню Малковича в новгородских посадниках. Когда Владимир затеял свою первую религиозную реформу, пытаясь внести в языческий пантеон богов определенную иерархию и сделать Перуна главным богом, посадник Добрыня провел подобные мероприятия в Новгороде. На высоком берегу Волхова, на утесе, поросшем вековыми соснами, приказывает Добрыня поставить каменное изваяние Перуна. Место это до сих пор носит название Перынь.

Когда в 988 году Владимир крестит Русь, Добрыня тоже следует за князем. Своевольный Новгород принял это новшество не сразу, но у посадника Добрыни, видать, была тяжелая рука. Не случайно в Новгороде родилась поговорка, зафиксированная летописями: «Путьята крестил Новгород мечом, а Добрыня огнем».

В.-Н. Татищев, опираясь на не дошедшую до современных историков Иоакимовскую летопись, дает подробный рассказ о борьбе новгородских язычников за «старую веру». В ходе этой борьбы новгородцы, якобы, разграбили двор Добрыни и жестоко избили (убили?) его жену. Однако киевский воевода Путьята и Добрыня силой принудили новгородцев просить мира. «Добрыня же, собрав воинов, прекратил грабежи и вскоре идолов сокрушил: деревянных сожгли, а каменных, изломав, в реку бросили».

Вот так крушили идолов и обеспечивали цивилизационные реформы тысячу лет назад!

Историки не очень доверяют сообщениям Татищева со ссылкой на недошедшие до нас источники. Но археологи, в частности, выдающийся исследователь, академик В.Л. Янин, действительно нашли в новгородских слоях, относящихся к 989 году, следы колоссального пожара.

Христианизация Новгорода посаднику Добрыне удалась. Каменного Перуна утопили в Волхове. По преданию, истукан в сердцах метнул в низвергающих его новгородских христиан свой посох, пообещав, что палкой будут бить друг друга новгородцы. Эту легенду часто приводили летописцы, желая объяснить склонный к конфликту нрав быстрых на расправу обитателей Новгорода.

Достоверно известно, что в 985 году Добрыня Малкович ходил водой в поход на Волжскую Булгарию. «Пошел Владимир на болгар в ладьях, – читаем в «Повести временных лет», – с дядею своим Добрынею...». Было одержано несколько побед, захватили большой полон и много другой военной добычи. Посадник Добрыня сам осмотрел пленников и посоветовал Владимиру дальше войны не вести, а заключить мир. Летопись так поясняет ход его мысли: «Эти все в сапогах, – говорит князю Добрыня, – эти дани нам не дадут. Пойдем поищем себе лапотников!»

Эту странную позицию историки понимают следующим образом. Добрыня по внешнему облику болгар догадался о значительном потенциале их страны. Даже длительная война с Булгарией не гарантировала, что Русь сумеет превратить болгар в зависимых от Руси данников.

Как отмечает доцент кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений Т. Черникова, княжение в Киеве Владимира Святославича (980–1015) имело для Руси эпохальное значение. Если первые князья Рюриковичи очертили только территориальное ядро древнерусского государства, то князь Владимир собрал под руку Киева все земли, заселенные восточными славянами. Именно при нем из многочисленных восточнославянских племен стала формироваться древнерусская народность, чему в огромной степени помогала сплачивающая всех восточных славян новая христианская вера и мораль.

И, конечно же, немалую роль сыграл княжеский дядька и воевода. Добрыня – соправитель великого князя Владимира обессмертил себя и в исторических летописях, и в былинах, в которых более тысячи лет наш народ с любовью и восхищением воспевае его имя.

И эта былинная слава станет памятью о золотом веке Древней Руси. Ибо впереди у наших предков – один из самых драматических периодов в истории, когда государство, собранное стараниями Владимира Святого и Ярослава Мудрого, стало постепенно разваливаться на множество мелких княжеств. Рюриковичи сошлись в братоубийственной борьбе за княжеские столы, и Русь канула в нескончаемом водовороте междоусобиц и грабежей, что в конечном итоге привело к зависимости от захватчиков.

Яков Добрыня как родовое имя?

Большой боярский род Малковичей, который выводят от деда по матери Святого Владимира – летописного Малка Любечанина, дал целую плеяду выдающихся деятелей Древней Руси.

*Остромирово Евангелие, середина XI века.
Миниатюра евангелиста Иоанна Богослова.
Российская национальная библиотека.
Санкт-Петербург*

Известно, что у Добрыни был сын Константин, объявленный в 1017 году посадником в Новгороде, служивший верой и правдой Ярославу, сыну князя Владимира Святославича от Рогнеды. После смерти летописцы, оценив вклад Ярослава в распространение на Руси христианства,

грамоты и культуры, дали ему прозвание Мудрого. Однако Ярослав, скорее, был расчетливым и коварным политиком.

Последнее особенно проявилось в его отношениях с Константином Добрыничем и недвусмысленно отражено в новгородском летописании. Константин сыграл не последнюю роль в утверждении на киевском великокняжеском престоле своего двоюродного племянника Ярослава.

В 1014–1015 годах Ярослав был князем-наместником в Новгороде. Он взбунтовался против воли отца, отказался посылать 2000 гривен серебра из собираемых в новгородских землях 3000 гривен в Киев. Но Ярослав не был уверен, что новгородцы поддержат его, а потому заблаговременно нанял варяжскую дружину. Вот эти варяги и начали вести себя по хамски и бесчинствовать в Новгороде, да так разозлили местный люд, что терпеть их больше не было мочи. Иноземные «солдаты удачи» в один день были все истреблены новгородцами. Ярослав же сначала сделал вид, что не проявляет недовольства. Он собрал знатных новгородцев к себе на совет. Однако совет и пир

закончились для новгородских бояр печально. Ярослав жестоко отомстил подданным, приказав своим приближенным «боевикам» (по летописи – отрокам) перебить всех гостей. Сам князь собирался бежать «за море». В это время из Киева от родной сестры Ярослава Предславы пришла весть о смерти великого князя Владимира и о том, что занявший Киев Святополк «убивает братьев».

Наутро Ярослав собрал новгородское вече и рвал на себе волосы, сожалея о погибших новгородцах: «О, моя любимая и честная дружина, которую я вчера в безумии своем изрубил! Смерть их теперь никаким золотом нельзя искупить... Братья! Отец мой Владимир умер; в Киеве княжит Святополк. Я хочу идти на него войной – поддержите меня!».

Очевидно, родич Ярослава посадник Константин Добрынич сумел умерить гнев новгородской громады. Учтывая, что после победы над Святополком в 1016 году Ярослав сразу дал новгородцам «Устав», не исключено, что посредником договоренности выступил сын Добрыни. «Устав Ярослава Владимировича новгородцам», от которого берет начало знаменитая «Русская Правда» («Правда Ярослава»), утвердил древние новгородские вольности и права, ставил новгородцев на судах выше варягов «из-за моря» и вровень с «русинами» (жителями Киевской земли).

Так, для Владимира Красное Солнышко сохранил престол его дядька Добрыня, а для Ярослава Мудрого – его двоюродный дядька Константин Добрынич. Поход новгородцев во главе с Константином и князем Ярославом на Святополка оказался успешным. В 1016 года Ярослав занял Киев, а новгородцы с Константином, получив свой «Устав...», вернулись восвояси.

Однако весной 1018 года Святополк вновь появился у Киева. Он пришел с войсками своего тестя польского князя Болеслава Храброго. Ярослав был разбит на Буге и бежал в Новгород с единственной целью: отправиться «за море к варягам». Этому воспротивился посадник Константин. Он приказал пробить днища княжеских ладей и на вече убедил новгородцев опять оказать помощь своему двоюродному племяннику. Для найма варяжской дружины было решено собрать с бояр по 18 гривен серебра, от старост новгородских – по 10 гривен, от простолюдинов – по 4 куны. На собранную дань наняли варяжскую дружину ярла Якуна Золотого плаща, и она вместе с дружиной Ярослава выгнала Святополка из Киева.

За все выше описанные услуги Ярослав Мудрый отблагодарил Константина Добрынича своеобразно. Он пригласил его якобы для совета в Ростов и... арестовал. Константин просидел в порубе три года и был убит по приказу князя.

Сын Константина и наиболее вероятный, с точки зрения большинства исследователей, внук Добрыни – Остромир входил в старшую княжескую дружину. Он жил при втором сыне Ярослава Мудрого – князе Изяславе. По завещанию Ярослава Мудрого, умершего в 1054 году, новым великим князем стал именно Изяслав. Он назначил Остромира посадником в Великом Новгороде. Таким образом, род Добрыни был реабилитирован и Остромир получил пост, который занимали его отец и дед.

Этот человек оставил после себя выдающийся памятник славянской книжной рукописи и всей мировой культуры – «Остромирово Евангелие», которое представляет собой искусно орнаментированную пергаментную рукопись, написанную кириллицей с высокохудожественными миниатюрами.

*Остромирово Евангелие, середина XI века.
Российская национальная библиотека.
Санкт-Петербург*

Книга отличается богатым оформлением, которое выполнено красками с применением золота в старовизантийском стиле. В Остромировом Евангелии три миниатюры (изображения евангелистов Иоанна, Луки и Марка), около двадцати изысканных заставок с орнаментом традиционного эмальерного типа, более 200 крупных инициалов, орнаментальный рисунок которых ни разу не повторяется. Уникальной особенностью инициалов Остромирова Евангелия являются необычные элементы в человеческом и животном облике, свидетельствующие о художественных связях памятника не только с византийской, но и с западноевропейской традицией.

«Остромирово Евангелие» – ценнейший источник древнеславянской палеографии. Этот образец искусства книги Киевской Руси назван по имени заказчика – Остромира.

В примечании писца Григория упоминается и семья Остромира, которой книжник желает «мънога лсѣт(а)» не только заказчику, но и «подружию его Феофансѣ, и чадомъ ей, и подружием чадъ ей», то есть жене Феофании, их детям и внукам. Надпись на этом Евангелии называет Остромира «близком», т.е. родичем великого князя Изяслава Ярославича.

Правнук Добрыни – Вышата Остромирович при жизни Ярослава Мудрого являлся его воеводой и воеводой его старшего сына Владимира Ярославовича, сидевшего до своей смерти в 1051 году князем-наместником в Новгороде. Вышата прославился своим мужеством во время неудачного для русских похода на Византию в 1043 году. Этот поход возглавлял князь Владимир Ярославич.

Буря потопила часть русских кораблей и 6 тысяч воинов были вынуждены высадиться на берег и по чужой территории пытаться пробиться на родину. То была верная смерть, ибо греческое войско в несколько раз превосходило этот вынужденный русский десант. Ни князь Владимир Ярославич, ни другие воеводы не решились возглавить этот пеший отряд. Только воевода Вышата Остромирович согласился остаться с несчастными. Вскоре греки настигли и разбили беглецов. Оставшихся в живых воинов они ослепили и продали в гребцы на византийские галеры. К счастью для воеводы Вышаты, он избежал этой участи. О том, что враги его оценили высоко как представителя русской аристократии свидетельствует тот факт, что Вышата попал в заложники и смог вернуться домой в 1046 году после заключения мира между Русью и Византией.

Сыновья Вышаты – Ян и Путята – были известными киевскими боярами. Именно они явились частыми собеседниками летописцев, и те, рассказывая о прошлом, ссылались на информацию братьев.

Ян Вышатиц, боярин великого киевского князя Святослава (третьего сына Ярослава Мудрого), известен тем, что сумел подавить восстание в Ростово-Суздальской земле в 1071 году.

Но самая впечатляющая версия гласит, будто бы еще один потомок Добрыни – Рагуил Добрынич, тысяцкий князя Владимира Мстиславича

Памятник автору «Слова о полку Игореве». Новгород-Северский историко-культурный музей-заповедник «Слово о полку Игореве» (2011)

Дорогобужского (1132–1171). Этот интересный персонаж дважды упоминается в Ипатьевской летописи. По поручению своего князя вместе с боярином Михаилом он убеждал мятежных киевлян не убивать незадолго перед тем свергнутого и постригшегося в монахи киевского князя Игоря Ольговича. Когда Игорь все же был убит, то тысяцкий приказывает перенести его тело с «торговища» в церковь.

Под 1169 годом сообщается, что Добрынич с тем же боярином Михаилом препирался в Печерском монастыре с боярином Давыда Мстиславича Василием Настасиевичем, защищая своего князя от обвинения в заговоре против киевского князя Мстислава Изяславича, а когда Владимир действительно выступил против Мстислава, то Рагуил Добрынич и другие бояре не поддержали его.

Особенно важно, что В. Н. Татищев (История Российская М.; Л., 1964. Т. 3. с. 139) сообщает, что Игорь Святославич Новгород-

Северский, вернувшись из половецкого плена, женил на дочери тысяцкого Рагуила Добрынича своего спутника по побегу – Овлура. В летописной повести о походе Игоря сообщается также, что с князем в плену находились сын тысяцкого и конюший Игоря (имена их не названы. См.: Ипатьевская летопись, с. 650).

Эти разрозненные и скудные упоминания, тем не менее, легли в основу гипотезы об авторе «Слова о полку Игореве» – Рагуиле Добрыниче, потомке легендарного Добрыни.

Эта гипотеза невероятно греет мне душу, хотя неоднократно подвергалась разгромной критике со стороны ученых-историков.

А вот упоминание Татищева о браке дочери тысяцкого Рагуила Добрынича и Овлура может служить основанием для того, чтобы протянуть ниточку от новгородских посадников – потомков Добрыни, к черниговской ветви потомков выдающегося воеводы.

Один из самых интересных исследователей родословной Малковицей/Нискиничей, Виталий Таланин (также связывающий свою родословную с Добрыней и с которым мы познакомились по переписке, благодаря общим генеалогическим изысканиям) высказал мысль о том, что в любом случае брак Малуши и Святослава на века повысил статус рода, «сделав любого из его представителей старшим родственником любого из Рюриковичей» (В. И. Таланин. Древнерусская доваряжская аристократия X–XVI вв. и ее потомки: генеалогическое исследование», Запорожье, 2015).

Следует обратить внимание на традицию родовых имен в семьях, которые веками оказывались на вершине древнерусской феодальной иерархии.

Как установил Виталий Таланин, в нашем случае это регулярно повторяющиеся на протяжении, как минимум, трех столетий: Мал – Добрыня – Коснятин (Константин) – Рагуил – Завид. И даже Якун/Якша (Иаков/Яков), что мне позволяет считать вовсе не случайным имя моего прадеда – Яков Яковлевич.

Интересно, что все эти имена Мал, Добрыня, Остромир, Рагуил, Завид, Якша относились к числу некалендарных имен, их не могли дать при крещении. А это значит, что они были вторым языческим именем, являясь своего рода династическими символами.

По версии Таланина, пунктирно родословная выглядит так:

Добрыня Нискинич (ум. ок. 997/1001) → Константин Добрынич (ум. ок. 1037/1039) → Остромир Константинович (ум. после 1064) + дочь византийской принцессы Феофаны (ум. после 1057) → 4-й (из 6-ти) сын Рагуил Остромирич (ум. ?) → 2-й (из 2-х) сын Добрыня Рагуилович (ум. 08.XII.1117) → 2-й (из 2-х) сын Мал Добрынич (ум. ?) → Михаил Малышевич (р. до 1180-х; упом. 1199/1205) → Михаил Мишинич (то есть – Михайлович; р. до 1220-х, ум. 1280) + Юрий Мишинич (ум. 1316).

Шумел сурово Брянский лес...

Географически деятельность летописных Добрынь, их потомков и князей, которым они служили, происходит в Новгороде, Киеве, Чернигове, Новгород-Северском. Да и на родине моего прапрадеда Якова Добрыни – Городнянщине немало мест, которые доносят до нас дыхание давно минувших веков.

Тут у села Большой Листвен состоялась битва древнерусских князей за киевский престол (1024). Как отмечают городнянские краеведы, ссылаясь на авторитет Филарета Гумилевского, который указывал на летописную запись под 1185 годом: «княгиня, жена Изяслава Давыдовича, убежала в Переяславль, а оттуда ехала на Городок и на Хоробор...». Тщательно проанализировав все исторические и географические обстоятельства, исследователи пришли к выводу: упомянутый Городок и был былинной Городнею («Неопалимая купина – наша слава Городня», Чернігів, видавець Лозовий В.М., 2014, с. 5-6).

Педагог-историк из Городнянщины Владимир Проценко также нашел в исторических памятниках сведения о том, как «в 1183 году сгорел дотла Городень и церковь каменная».

Можно утверждать, что Добрыня и его потомки почти 150 лет служили нескольким поколениям древнерусских князей. Как отмечает историк, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук Михаил Свердлов: «из их семьи (то есть Добрыней) назначались посадники в Новгород, но они туда приезжали как южнорусские бояре (показательно, что Порей, спутник Ростислава и Вышаты, после гибели князя оказался в Чернигове у Всеволода в 1078 году). Менялись князья, но

потомки Добрыни продолжали служить воеводами, тысяцкими, данщиками в Киеве или Чернигове. Они владели дворами в Киеве» (М. Б. Свердлов. «Генеалогия в изучении класса феодалов на Руси XI–XIII вв.»).

В 2003 году мировую археологическую общественность потрясла настоящая сенсация. В Новгород-Северском на Черниговщине, на территории Спасо-Преображенского мужского монастыря, основанного еще в 1033 году сыном святого равноапостольного князя Владимира Мстиславом Тмутараканским, рабочие, рывшие траншею теплотрассы, наткнулись на остатки неизвестных каменных стен.

*Останки погибших в 1239 году обитателей княжеского двора.
Новгород-Северский историко-культурный музей-заповедник
«Слово о полку Игореве» (2011)*

За дело взялась экспедиция археологической службы Национальной академии наук Украины. Оказалось, что обнаружено строение периода до монгольского нашествия (по всей вероятности, княжеской резиден-

ции). Это сам по себе случай довольно редкий. А под стенами трапезной в подвале были обнаружены скелеты женщин и детей.

Этот трагический слепок истории потрясенные археологи отнесли к 1239 году, когда орда хана Батые стерла город с лица земли. Академия наук не поскупилась на анализ ДНК. И выяснилось, что женщины были сестрами, а дети, соответственно, двоюродными братьями и сестрами. Когда монголо-татары подожгли княжеское подворье, обитатели укрылись в глубоком подвале. Одни мгновенно погибли под завалами: вот молодая женщина буквально простерлась над сыновьями, закрывая их собой от огня и едкого дыма. На ней великолепные серьги, у мальчиков бронзовые браслеты, такие носили дети семей из княжеского окружения. Другие несчастные оказались похороненными заживо и попытались вести подкоп. Прокопали под всей стеной, оставалось еще немного – и вырвались бы наружу. Не успели. Рядом лежат останки больших собак. Верные псы тоже скребли землю, служили хозяевам до конца.

Наши далекие предки так и остались лежать навеки под грудой камней и пепла, за что это место прозвали «маленькой русской Помпеей».

Горестную находку археологи законсервировали и поместили под стекло. И теперь туристы разглядывают этот нерукотворный памятник человеческой трагедии в Историко-культурном музее-заповеднике «Слово о полку Игореве» в Новгород-Северском.

На этом месте меня не покидало пронзительное ощущение, что здесь лежат кости моих близких родственников.

Не случайно Лев Гумилев видел в «Слове о полку Игореве» пророчество о грядущей гибели Киевской Руси, произнесенное неведомым поэтом еще до нашествия Батыя. Малозначимый поход не самого великого князя, его поражение, плен и бегство предстают в воображении безвестного поэта предзнаменованием грядущей катастрофы целой цивилизации.

Большинство бояр-дружинников погибли во время монгольского нашествия. Думаю, и немало потомков Добрыни сложили свои головы, защищаясь от ордынских захватчиков. А те, кто выжил под натиском татарских орд и под властью королей литовских и Речи Посполитой, свято берегли православную веру, уходили в монастыри и «духовную книжную эмиграцию», селились на границах, защищая родную землю.

После разрушения монголо-татарами в 1239 году Чернигова, Новгорода-Северского и других городов Черниговского княжества, его центр в 1246 году был перенесён в уцелевший Брянск. Таким образом, в густых лесах, среди болот, куда не могла пробраться татаро-монгольская конница, было образовано Брянское княжество, а первым брянским князем стал Роман Михайлович. Опираясь на географию упоминаний предков, вполне возможно, что за брянским князем последовали и потомки воевод-добрыничей.

*Доспехи средневекового воина.
Новгород-Северский историко-
культурный музей-заповедник
«Слово о полку Игореве» (2011)*

Думаю, это не может быть случайностью. По мнению историков, на данной территории могли сохраниться потомки древнего населения домонгольского периода, которые берегли свою культуру, язык и обычаи.

Так, на территории нынешней Брянской области (в исторические времена относящейся к Черниговскому княжеству и Новгород-Северским землям) есть опустевшее село Добрунь. Так оно называется сегодня. Но в стародавней истории оно известно под былинным названием Добрыничи. Село находится всего в 20 км от древнего городка Севска – приграничной крепости, остатки валов которой XIII–XVII веков можно увидеть по сей день.

Итак, упоминание рода Добрыни-Коннохова в исторических источниках локализуется на конкретном и вполне четко определенном географическом «пяточке»: Чернигов – Новгород-Северский – Городня – Невкля – Добрыничи – Севск – Солова – Стародуб – Брянск (Добрянск).

Святые, преподобные...

Линию потомков Остромира историк и палеограф Дмитрий Прозоровский доводит до сына Яна Вышатича, первого игумена Киево-Печерского монастыря преподобного Варлаама.

Согласно с «Житием преподобного Феодосия Печерского», Варлаам (его мирское имя неизвестно) был сыном боярина Иоанна, приближенного киевского князя Изяслава Ярославича (ум. 1078). Этому Иоанна отождествляют с известным киевским тысяцким боярином Яном Вышатичем и называют имя матери Варлаама – Мария «Янева», которая была духовной дочерью преподобного Феодосия (ум. 1074 г.).

Варлаам пришел в пещеру к преподобному Антонию и попросил старца постричь его в монахи. К тому времени Варлаам был уже женатым человеком и, видимо, занимал высокое общественное положение. С именем Варлаама связан «выход» из пещер монастыря «на поверхность». После смерти, согласно завещанию, его останки были перенесены в Печерский монастырь, где Варлаам был погребен в Ближних пещерах.

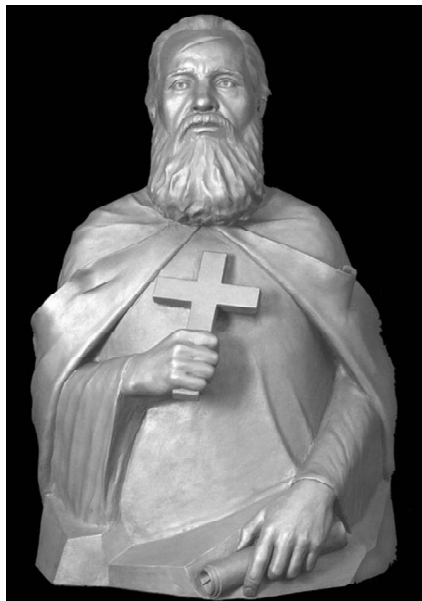
В 1987–1988 годах останки игумена Варлаама были научно исследованы, и одним из результатов этого исследования стала пластическая реконструкция внешнего вида первого печерского игумена. Судя по реконструкции С. Никитина, Варлаам скончался в возрасте 60–70 лет. Он был среднего роста – 162–164 см. Обращает на себя внимание смоделированный при реконструкции шрам на лбу, который, вероятно, свидетельствует о военном опыте, приобретенном Варлаамом до его пострига в монашество.

Генеалогическую реконструкцию, по которой Добрыня, Коснятин, Остромир, Вышата, Ян и Варлаам были представителями одного рода, поддержал академик Дмитрий Сергеевич Лихачев.

И еще один канонизированный персонаж – Добрыня Ядрейкович, посетивший Константинополь в 1200 году и проживший там четыре года, до разграбления города крестоносцами. Историю своего «хождение» в Царьград Добрыня подробно изложил в «Книге Паломник», спустя несколько лет по возвращении, в 1212 году, уже после того как принял монашество. В «Книге Паломник» описаны 104 святых византийской столицы. Среди них золотое блюдо, подаренное княгиней

Ольгой цареградскому Софийскому собору в X веке, «Моисеевы скрижали», сосуд с манной небесной, которой питались евреи в пустыне после исхода из Египта, пилы и сверла, при помощи которых был сделан крест, на котором распяли Христа.

По возвращении из Царьграда Добрыня привез в Новгород несколько христианских реликвий, в том числе загадочный «гроб

*Святой Варлаам Печерский,
реконструкция С. А. Никитина
(1980-е гг. XX в.)*

Господень», под которым, видимо, следует видеть мерную ленту, запечатлевшую размеры гробницы, каковая хранилась в Софийском соборе до начала XX века.

Вернувшись в Новгород, Добрыня принял монашество в новгородском Хутынском монастыре, получив имя Антония. И вскоре после этого был возведен в сан новгородского архиепископа (занимал кафедру в 1211–1219 и 1225–1228 гг.). Оставил свой пост ввиду тяжелой болезни, из-за которой лишился дара речи (возможно, это был инсульт). Больной Антоний удалился в Хутынский монастырь, где и умер в 1232 году.

Впрочем, Виталий Таланин пришел к выводу, что преподобный Варлаам в реконструированную им

генеалогию не вписывается. Никаких доказательств тому, что он сын Яна Вышатича, нет. По его подсчетам по датам рождения выходит, что Ян – несомненно сын Вышаты Остромирича, но преподобный Варлаам – не сын Яна Вышатича.

«По этому поводу не надо «заморачиваться», – советует мне в личной переписке Виталий Таланин. – Потеря одного святого в роду компенсируется иным: святой Антоний Хутынский, как я показал – из Малышевичей».

Боярские дети Городни и царь Грозный

До недавнего времени я нередко задумывалась: где, каким образом мои предки могли оказаться при русском царском дворе, чтобы получить жалованные грамоты Ивана Грозного? Напомню, что, по преданию, таковые должны храниться в заветном кованом сундуке с «кладом» Якова Добрыни-Конюхова. А сундук тот закопан в городнянской земле.

И вот недавно в книге, которую мне подарила директор Городнянского историко-краеведческого музея Ольга Геннадьевна Смаль, «Неопалимая купина – наша слава Городня» я нахожу информацию о том, что в письменных источниках есть запись 1552 года: «назначить в Казанский поход из северных городов боярских детей Городни и Мощенки».

Вот оно что! Значит, кто-то из моих предков мог участвовать во взятии Казани войском Ивана Грозного.

Если дата – 1552 год, то речь следует вести о последнем Великом Казанском походе Ивана IV, когда Казань была взята в результате осады.

Город был окружён длинными траншеями, окопами и турами, в ряде мест построили частокол. 27 августа начался артиллерийский обстрел Казани. Огонь артиллерии поддерживали стрельцы, отбивая вылазки противника и не давая ему находится на стенах. Среди «наряда» были «великие» пушки имевшие имена: «Кольцо», «Соловей», «Змей летучий», Ушатая» и др.

Последнее сражение произошло на площади перед ханским дворцом, где оборону держало 6 тысяч татарских воинов. Хан Ядыгар-Мухаммед был взят в плен (был крещен с именем Симеон и получил в удел Звенигород).

Все остальные татарские воины пали в бою, пленных не брали. После подавления сопротивления в город вступил царь Иван Грозный.

Конюшенный приказ

А что же дальше могло происходить с моим предком, исходя из исторической канвы событий?

Снова привлекаем на помощь семейные предания, в которых бабушка и мама сберегли тезис о том, что двойная фамилия Добрыня-

Конюхов появилась в роду «когда объединились две фамилии, ни одна из которых не хотела себя терять в силу того, что она уже оставила свой след в истории». Время указывалось – правление Ивана Грозного либо вскоре после него. С Добрыней – понятно. Но кто же такой этот «известный» почти пять столетий тому назад Конюхов?

Если верить устному семейному преданию, из той же утраченной родословной следовало, будто некто Конюхов был на самом деле «конюшим при дворе Ивана Грозного». Да не простым, а кем-то вроде «командующего кавалерией».

Что слышала из устного предания, о том и пишу. Попробуем разобраться, обратившись к истории Конюшенного приказа, кем мог быть на самом деле мой далекий предок Конюхов?

Конюшенный приказ был учрежден в 1511 году для управления придворными конюшнями и государственными конными заводами. В ведении приказа была также конюшенная казна, состоявшая из драгоценных конских уборов, седел, а также колымаг (экипажей) и саней, принадлежавших московским великим князьям и хранившихся с древних времен. Насколько почетна была должность конюшего, видно из того, что ее в свое время занимал Борис Годунов – родной брат жены царя Федора Иоанновича и сам ставший царем.

«Конюхи государевы – люди чиновные; они владеют поместьями, вотчинами и крестьянами. Чем же отличаются они от других помещиков, например, дворян? Разница есть, но скорее количественная, чем качественная, и формальная, чем материальная. Дворяне-помещики лошадей царских не чистили, сбруи дегтем не мазали, колымаг не мыли, но на козлах возницами и дворяне-помещики ездили, даже старых и родовитых фамилий, княжеских. А с другой стороны, государевы конюхи не только лошадей и экипажи чистили, но бывали и в разных правительственных посылках. Находясь вне города, государи сносились с оставленными в Москве боярами через своих конюхов.

Резкой разграничительной черты между конюхом и дворянином-помещиком историки не проводят. Конюхи соединяют в себе признаки старых дворовых людей, так как живут во дворе государя, и дворян XVI века, так как имеют поместья и употребляются в правительственные посылки. Они – низший класс дворовых чинов. Единственная разница между конюхами и непосредственно следующими за ними

*Церковь Иоанна Предтечи, Боровицкая башня и Конюшенный приказ.
Рисунок Фёдора Алексеева (1800-е гг.)*

высшими разрядами заключалась в способе записи тех и других в книги: дворяне записаны в городовые десятины, конюхи – в списки Конюшенного приказа» (Сергеевич В.И., Древности русского права в трех томах. Том 1. Территория и население (под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова) – М., 2006. – С. 338.).

Известен список бояр – царских конюших: А. Ф. Челяднин с 1496 по 1503 †; И. А. Челяднин с 1511 по 1515 †; кн. И. Ф. Овчина-Телепнев-Оболенский с 1533 по 1539 †; кн. М. В. Глинский с 1541 по 1547, когда он был отставлен; кн. В.В. Чулок-Ушатый назначен и умер в 1549; И. П. Федоров с 1550 по 1567, когда он выбыл; Б. Ф. Годунов с 1584 по 1599; Д. И. Годунов с 1599 по 1605 †; М. Ф. Нагой с 1605 по 1606, когда был отставлен.

Как видим, за должность конюшого боролись наиболее видные бояре. Конюшим был фаворит Елены Глинской князь Иван Федорович Телепнев Овчина Оболенский, в конце 1540-х годов им стал дядя царя – князь Михаил Васильевич Глинский. В конце XVI века конюшим был Борис Годунов, а при Лжедмитрии I – мнимый дядя царя Михаил Федорович Нагой.

Нашего предка среди этих исторических персонажей с громкими именами нет. В 70-е годы XVI столетия в штате Конюшенного ведомства

числилось более 400 человек! Искать среди них нашего «конюха» все равно, что иголку в стогу сена. И все же продолжим.

Другая категория служилых людей этого ведомства – стремянные конюхи. Они участвовали в государевых военных походах и разъездах по стране. Их обязанности состояли в том, чтобы подводить к монарху оседланных и запряженных лошадей, принимать их по окончании переездов, «ходить «подле стремяни и около саней и корет» (Книги Румянцевского музея. Котошихин Г. К. «О России в царствование Алексея Михайловича»). Как и приказчики, все они были «дети боярские добрые», помещики с окладами от 60 до 400 четей земли и денежным жалованием от 5 до 50 рублей в год.

Фамилии Конюхова я не нашла в единственном сохранившемся до наших дней Списке служилых людей, составлявших опричный двор Ивана Грозного, за 1573 год. Но ведь это еще ничего не значит, ибо «Список» только за один год!

Если легенда о том, что мой предок служил в Конюшенном приказе и якобы «командовал кавалерией», имеет основания, то, скорее всего, он мог быть одним из стремянных конюхов, участвовавших в военных походах. Посему определение «командующий кавалерией» не кажется невероятным.

Чем же прославил свою фамилию Конюхов, раз решил сохранить ее в браке своем или своего сына/дочери с представителем рода Добрыни? Видать, была на то веская причина. И не может быть, чтобы тому не осталось в истории никаких следов!

Секрет семейных «граммат времен Ивана Грозного». Разгадка? (Попытка историко-логической реконструкции)

Слово «дворянин» буквально означает «человек с княжеского двора» или «придворный». Усиление русского дворянства в период XIV–XVI веков происходило в основном за счёт получения земли при условии военной службы, что фактически превращало дворян в поставщиков феодального ополчения по аналогии с западноевропейским рыцарством и русским боярством предыдущей эпохи.

Основной ударной силой русской рати того времени была поместная (дворянская) конница. Эта рать комплектовалась путём «верстания», во время которого вновь поступающих на службу сыновей дворян

и детей боярских наделяли поместным (земельным) и денежным жалованьем. Вплоть до середины XVII века таковые дворянские дети считались «новиками» (новобранцами) по достижении 15-летнего возраста.

«В зависимости от социального положения и имущественного достатка размер поместного оклада «новика» в XVI веке составлял земель – от 100 четвертей (150 десятин в трех полях) до 300 четвертей (450 десятин) и деньгами – от 4 до 7 руб. В процессе службы поместные и денежные оклады новиков увеличивались» (*Чернов А. В.* Вооруженные силы Русского Государства в XV–XVII вв. М., 1954).

Верстание осуществлялось на специальных дворянских смотрах, где проверялось наличие служилых людей в строю, их вооружение и доспехи, количество приведенных с собой «боевых холопов». О каждом новике собиралась подробная информация у «окладчиков», обязанных точно установить происхождение, имущественное положение, какую службу может нести, сколько способен приводить «в полк» и «в кош» боевых холопов.

Затем новик зачислялся на службу и, если его отец имел небольшой надел и не мог выделить сыну землю «в припуск», то новоповерстанному служилому человеку назначался поместный оклад «в отвод». Как правило «отводились» старшие сыновья, младшие – «припускались» к отцам. Каждый «новик» получал небольшое денежное жалованье, которое по большей части служило ему помощью для закупки вооружения и боевых коней.

Так вот, в библиотеке Архива Министерства иностранных дел в Москве находится, под № 120/167, небольшая рукопись, представляющая весьма значительный исторический и генеалогический интерес. Содержание рукописи – «Десятня новиков, поверстанных в 1596 году» (http://drevlit.ru/docs/russia/XVI/1580-1600/Desjatnja_novikov/text.php).

В этом списке находим под № 44 тех, кому поверстано по 100 четей земли, среди которых значится Иван Филиппов сын Конюхов, место – Солова.

Этот же персонаж по имени Иван Филиппович Конюхов упоминается в книге «Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии» (М., 1974.) Веселовского с той же датой – 1596 год. Видимо, выдающийся русский историк, знаток феодальных отношений на Руси

Рейтарский подпрапорщик из пустопоместных детей боярских с ротным знаменем, 1680 г.

Рейтарский подпрапорщик из пустопоместных детей боярских с ротным знаменем, 1680 год (рис. О. Федорова из книги А. Малова «Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг.», М., 2006)

и Солова в Стародубском районе, во-первых, относятся к древней черниговской земле; во-вторых, они расположены довольно близко, можно добраться от одного до другого верхом на лошади. Добрыня и Конюхов – соседи!

Обратимся еще раз к ключевым «меткам» семейного предания «Конюшенный приказ» и «командующий конницей». Мог ли, например, стремянной конюх Конюшенного приказа Филипп сделать карьеру в опричном войске и возглавить кавалерию? Более того, из должности рядового царского конюха получить свое сначала прозвище Конюх,

Степан Борисович Веселовский воспользовался тем же источником – списком «новиков».

100 четей (150 десятин), жилой, то есть обрабатываемой, «доброй и угожей» земли означало, что надел был обеспечен всем необходимым, включая лес и покосы.

Где же находятся эти Солова, где свежеиспеченный «новик» получил надел? Ищу на карте и испытываю волнение, которое не передать словами. Это древнее село по сей день существует в Стародубском районе Брянской области!

Стародубщина – земли на берегах реки Десны. Как раз с начала XVI века эти земли переходят под юрисдикцию Великого княжества Московского, и становится оплотом его юго-западных границ. Ныне они граничат с Черниговской областью, а исторически были в составе Черниговской губернии. Посмотрим на географическую карту. Так это же рядом с нашей Городней! Фактически Невкля в Городнянском районе

а затем и родовую фамилию Конюхов? Если мог, то, каким образом? Для этого надо было быть незаурядным служилым человеком.

Как пишет С.Б. Веселовский, «Ко времени учреждения опричнины организация военных сил царя Ивана IV представляется в таком виде. Для каждого похода, оборонительного или наступательного, будь то так называемая «береговая служба», т. е. расположение войск на южных окраинах для обороны государства от набегов татар, или походы наступательные, – специально формировалась армия, состоявшая обычно из пяти полков: передового (авангарда), большого полка, во главе которого стоял обыкновенно воевода, командующий всей армией; полка правой руки (правого крыла); левой руки и арьергардного полка. Во главе каждого полка назначался воевода с одним – тремя товарищами. Воевода и его товарищи, главы большого полка, одновременно были главным командованием и штабом всей армии, как бы ее генералитетом» (Веселовский С. Б. Очерки по истории опричнины. М., 1963, с. 186).

Исследователи отмечают, что из лучших представителей передовых служилых людей происходили полковые воеводы и головы (генералы и офицеры того времени, по выражению В. О. Ключевского), писцы, дипломаты и т.п.

На юго-западных границах царства мои предки выполняли функции разведчиков, воевали, ведя свои десятки и сотни, организовывали оборону городов и крепостей, были «осадными головами» при штурме крепостей и несли все тяготы воинской службы.

Я не исключаю, что Конюхов-Добрыня участвовал в знаменитой битве при Добрыничих (1605) на своей исторически родовой земле, разгромив Лжедмитрия I, потерявшего в сражении значительную часть своего войска.

Подведем итоги. Фраза из семейной легенды о том, что «клад Добрыни-Конюхова» хранил «грамоты времен Ивана Грозного» имеет под собой самые серьезные основания. Это могли быть либо документы, свидетельствующие об участии моего предка Добрыни в Казанском походе, либо документы Филиппа Конюхова, служившего, к примеру, в опричной коннице и даже возглавлявшего одно из ее подразделений. Либо и те, и другие документы вместе взятые, а также свидетельства продвижения на государственной службе «новика» Ивана Конюхова, Филиппова сына.

Интереса ради, отмечу, в документах Посольского приказа, относящихся к периоду Гражданской войны XVII века обнаружился еще один Конюхов – Дмитрий Иванович, отличившийся на стороне русских войск в боях с завоевателями польского короля Владислава.

«За службу и за выезд» царю Конюхов был награжден в Москве сороком кунц и сукнами. Осенью 1618 года во время осады Москвы армией польского короля Владислава Конюхов принимал активное участие в обороне столицы. Обращает на себя внимание, что у него была жена Анна и одна дочь – Акулина.

Откровенно говоря, мне очень импонировала версия, что мои предки потомки сего казака, тем более, что его отчество Иванович. Ведь во времена Гражданской войны XVII века, многие мелкопоместные дворяне, особенно в тех краях, где жили мои предки, что называется, «казачились» – уходили в казаки. За отличия в военном деле он мог получить поместье. И при выдаче замуж дочери Акулины настоять на сохранении фамилии.

Однако при внимательном изучении дат и обстоятельств я пришла к выводу, что Дмитрий Иванович никак не мог по возрасту быть сыном Ивана Филипповича Конюхова. Новику Ванюше в 1596 году было 15 лет. А казачий атаман Конюхов уже в 1613 году впервые упоминается в письменных источниках как зрелый человек и атаман, имеющий семью и взрослую дочь. И нет никаких упоминаний о его службе в Конюшенном приказе.

Так что от «казачьей» версии мне пришлось отказаться, хотя не исключено, что Иван Филиппович и Дмитрий Иванович могут быть родичами. Ведь всех, кто «боронил» родную землю, несли пограничную ратную службу, называли «казаками».

Исследуя доступные мне источники из Архива древних рукописей, я утвердилась в мысли о том, что Конюхов Иван Филиппович с вотчиной в селе Солова может иметь непосредственное отношение к моей родословной. В различных документах (в семье сохранились некоторые из них, относящиеся ко времени до 1917 года) наши предки писались: Конюхов-Добрыня, Добрыня-Конюхов.

**«С презрением относиться к петровской бюрократии...»
(к вопросу о дворянстве)**

Вояцкий из опалы. Оригинальный рис. И. С. Панаева, грав. Бренд'Амури.

Не удивительно, что многие знатные родовые линии Древней Руси теряются или полностью угасают уже в XVI веке, а родословные легенды крестьянских или священнических родов неожиданно показывают своими предками знатных князей и воевод. Исследователи считают, что такое вполне возможно. Ведь древние роды мельчали еще и потому, что, имея множество потомков, вынуждены были постоянно дробить свои вотчины семейными разделами.

В Родословной книге Черниговской губернии Добрыни-Конюхова нет. И в «Малороссийском родословнике», и в четырехтомной

«Российской родословной книге» под редакцией князя П. В. Долгорукого – тоже нет.

Впрочем, как отмечают историки, различные списки и родословные книги, вероятно, покрывают лишь часть дворянских родов. Нежелание записываться в родословные книги часто было обусловлено с материальными затратами. Многие дворяне, являясь мелко- и среднепоместными, вели экономный образ жизни и старались избежать дополнительных трат.

Хотя внесение в родословную книгу имело практическое значение – дворянин становился полноценным членом дворянской корпорации и получал право-обязанность присутствия на дворянских съездах. Последнее требовало визитов, пусть даже раз в три года, сначала в уездный, а затем в губернский город для участия в процедуре выборов. Для бедных дворян подобные выезды и проживание в городах были связаны со значительными денежными тратами. Поэтому они пытались оградить себя от подобных обязанностей. Желание ряда дворян уклониться от выборной службы нередко становилось причиной, по которой они не спешили предоставлять необходимые сведения для доказательства своего благородного происхождения. В связи с этим процент внесенных в родословную книгу повсеместно был достаточно низок.

Наиболее доступна информация о родах, возникших в XVIII и XIX веках, факт вхождения которых в потомственное дворянство документирован, и все поколения легко отслеживаются по дворянским родословным книгам соответствующих губерний. Например, в книге «Московское дворянство. Алфавитный список дворянских родов, с кратким указанием важнейших документов, находящихся в родословных делах Архива Московского дворянского собрания» (М., 1910) упомянуты сразу два дворянских рода Конюховых. Один из которых, кстати, Яков Конюхов, получивший патенты на чины секунд-майора и премьер-майора в 1783 и 1788 годах. Ни в одном другом списке этот человек больше не встречается.

Я прекращаю поиски предков в дворянских списках Российской империи как не оправдавшие себя. И возвращаюсь к боярам, ибо как сословие, «дети боярские» известны издревле, – еще со времен феодальной Руси, когда жили, действовали и прославляли свой род Добрыня

и его потомки. По Брокгаузу и Ефрону, «дети боярские» были потомками бояр, «не усвоивших, однако, себе боярского звания; это – наследники измельчавших боярских имуществ». Изначально дети боярские несли службу в старинных воинских дружинах, которые принадлежали не князю, а городу, – это видно, например, из договорных грамот князей с дружинами. «В X–XII веках княжеская дружина, главным образом, должна была набираться из детей самих дружинников. Сын заслуженного дружинника заранее располагал в свою пользу князя, который мог дать ему место в своей дружине по «отчеству», т. е. сообразно со значением отца. Таким образом, рождение влияло на усвоение боярства лишь фактически, т. е. сыну боярина было легче достигнуть боярства; вот почему древняя Русь не знала фамильных прозваний; летопись сообщает нам лишь имена, иногда отчества бояр (Добрыня, Иван Творирич и др.)» (цит. по Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона).

А вот Конюховы – представители служилого сословия, пожалованные за службу землей и «двором», входили, по всей видимости, в особый класс – однодворцев. Историки определяют таковых как потомков служилых людей, несших дозорную и сторожевую службу на южных границах Руси в XVI–XVII веках.

Это служилое сословие формировалось из русских детей боярских «украинных» городов (особый разряд детей боярских), стрельцов, солдат, рейтаров, драгун, копейщиков, пушкарей, засечных сторожей и обедневших дворян, городовых, рязанских и донских казаков. Этот слой формировался в течение почти трёхсот лет.

Понятие «однодворец» прочно вошло в официальные документы уже к середине XVII века и обозначало людей, которые сами и их предки в прошлом служили в дворянском ополчении, но из-за бедности и запустения земель больше служить не могли, потому что все их поместье состояло из одного двора (отсюда название).

Жалованья такие нетитулованные дворяне не получали, а собственные скудные доходы не позволяли им отправиться на службу, оставив хозяйство. Государство подобная ситуация устраивала, поскольку однодворцы своим присутствием на приграничных землях способствовали их хозяйственному освоению и, кроме того, могли выступить в их защиту в случае прямой военной угрозы.

В 1722 году императором Петром I была введена Табель о рангах – закон о порядке государственной службы, основанный на западноевропейских образцах. Согласно Табели, пожалование старых (боярских) аристократических титулов прекращалось, хотя они формально и не отменялись. Это стало концом боярства. Слово «боярин» осталось только в народной речи как обозначение аристократа вообще и выродилось в «барин».

Петр приложил немало сил, чтобы перевести детей боярских, стрельцов и казаков в полувоенное сословие однодворцев, которые, подобно крестьянам, платили бы тягло, лишились бы сословных амбиций и служили бы пушечным мясом в будущих войнах. Можно сказать, что мои предки были репрессированы Петром Великим. И строчка в школьном учебнике истории, где описывается, как царь Петр стриг боярам бороды и лишал их права государевой службы якобы за «сопротивление реформам», применительно к моему роду приобретает весьма драматическое содержание.

Боярских детей и однодворцев Петр Великий вытолкал из передового служилого и военного сословия, вплоть до того, что, открывая государственные школы для начального обучения детей, распорядился не давать грамоты именно однодворцам.

«Во всех губерниях, дворянского приказного чина, дьячих и подьячих детей, от пяти до пятнадцати лет, опричь (кроме) однодворцев, учить цифири и некоторой части геометрии».

Отсутствие образования закрывало детям из семей однодворцев продвижение по карьерной и общественной лестнице! Власти боялись, что грамотность обделённого царской милостью сословия может способствовать вольнодумству и бунтам.

Парадокс: при этом однодворцы, превратившиеся в государевых крестьян, по-прежнему могли распоряжаться собственными... крепостными.

В дискриминационных условиях однодворцам больше не на кого было уповать, кроме как на собственные силы, трудолюбие и природный ум. По семейным преданиям, мои предки иронично относились к монархам и священнослужителям. Из поколения в поколение они привыкли полагаться на собственные силы и старание.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира

Даля есть поговорка: «Казенный крестьянин живет, как бог велит, а барский, как барин рассудит». Именно это вкупе с бережливостью и аскетизмом формировало в этой среде своеобразную этику, подобную протестантской. Выдающийся социолог и философ Макс Вебер назвал «протестантской трудовой этикой», когда достижение материального достатка рассматривается как критерий усердности и добросовестности собственного труда.

Однодворцы изо всех сил стремились сохранить свой особый статус и понимали: от своих крепостных они отличаются высокой книжной

Интерьер крестьянского дома, Городнянский историко-краеведческий музей, Черниговская область (2016)

грамотностью. Среди однодворцев было распространено домашнее обучение, когда дети учились считать, писать и читать церковные книги.

Исследователи жизни и культуры однодворцев отмечают хождение в их среде рукописных книг, сборников религиозного и светского содержания; духовных стихов, певческих сборников, лечебников (травников) или отдельных рецептов из них; календарей или частичных выписок из них.

Грамотные и зажиточные однодворцы могли позволить себе чтение солидной, предназначенной не для богослужения Книги житий святых православной церкви – «Четьми-неи».

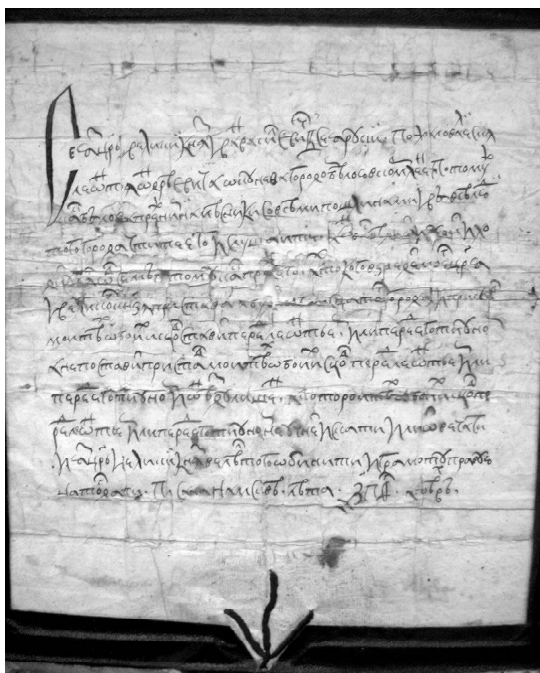
В большинстве своем однодворцы оставались старoverами.

Знарок истории русского дворянства В. И. Чернопятов писал:

«...в избах однодворцев вы зачастую наткнетесь на жалованную грамоту, данную их предкам, которую они берегут как святыню, с презрением относясь к петровской бюрократии...». Это подтверждает К.П. Победоносцев в своем «Курсе гражданского права»: «В состав их (однодворцев) поступили впоследствии некоторые старинные дворянские роды, сделавшиеся мелкопоместными, а при Петре I иные дворяне, уклонившиеся от нового порядка службы, имевшие по 100 и по 200 дворов крестьян, тоже записались в однодворцы».

Жалованные грамоты дворянам представляют собой замечательный источник сведений об их ратном служении, самоотверженном участии

в боевых походах. Об их жертвенном служении как раз и свидетельствовали жалованные грамоты, в которых часто встречаются такие слова: «Чтобы наше Царское жалование, и их многая служба, за Веру, и за нас великаго Государя, и за свое Отечество, последним родом было на память: и на их бы службы смотря, дети его и внучата, и правнучата, кто по нем роду его будет, так же ныне и впредь, за Веру христианскую, и за святяя Божія Церкви, и за нас великаго Государя Царя ... и за братію нашу ... и за свое Отечество стояли мужественно».

*Жалованная грамота
царя Иоанна Васильевича, 1581 год.
Древлехранилище Псковского
государственного музея-заповедника, Россия*

Известный русский генеалог и археограф Л. М. Савелов отмечал: «...нередко в какой-нибудь избе однодворца вы найдете древний свиток как доказательство того,

что предки его теперешнего владельца были служилыми людьми и помещиками...».

Вот оно! Древний свиток был в руках у моей бабушки! Вот, почему мой прапрадед так переживал о том, чтобы сохранить для потомков жалованные грамоты времен Ивана Грозного и другие документы. Вот почему на смертном одре душа его так трепетала и жаждала сберечь наиболее дорогие сердцу старинные книги!

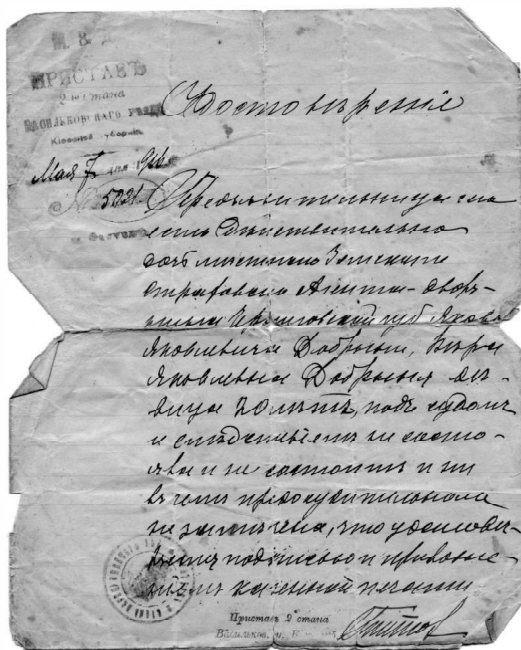
200 лет из поколения в поколение мои предки берегли семейные реликвии и традиции, надеясь, что наступит «золотое время», справедливость восторжествует и все эти редкости и древности им еще понадобятся, дабы доказать свою родовитость.

Просветитель Н. А. Ридингер в 1865 году констатировал: «Писцовые книги, купчие крепости и фамилии ясно показывают, что однодворцы были дворяне и владели землею, но, обедневшие и не служившие, во времена Петра I потеряли права дворянства...»

Историки отмечают, что иные из них небезуспешно домогались через службу дворянского звания. И лишь немногим дворянство удалось

сохранить и подтвердить документально. Это делали лишь при острой необходимости, которая возникала, когда требовались свидетельства о дворянском происхождении для поступления на службу, получения займов, устройства детей в разные учебные заведения и т.п. К этим немногим очевидно относился наш предок – Яков Яковлевич Добрыня-Конюхов.

...Бабушка Вера каким-то чудом сберегла для потомков один документ. Это листочек бумаги –

небольшая справка № 5021, в которой жандармский пристав 2-го стана Васильковского уезда Киевской губернии 7 мая 1916 года (по старому стилю) за подписью и печатью удостоверяет, что «предъявительница сего есть действительно дочь местного Земского страхового агента – дворянина *Черниговской губ(ернии) Якова Яковлевича Добрыни*, Вера Яковлевна Добрыня, девица 20 лет, под судом и следствием не состояла и не состоит, и ни в чем предосудительном не замечена, что удостоверяется подписью и приложением казенной печати».

Полицейский пристав 2-го стана в 1916 году по поводу сословной принадлежности моей бабушки никак не мог ошибаться. И это единственное сохранившееся доказательство принадлежности к дворянскому сословию, которое выделяет наш род из сонма однофамильцев.

Три брата и сестра

*Яков Яковлевич Добрыня-Конюхов
и его жена Евдокия Яковлевна
(1880-е гг.)*

Примерно в середине 70-х годов позапрошлого века мой прадед Яков Яковлевич Добрыня-Конюхов познакомился в Чернигове с Евдокией Вац, дочерью православного священника, беженца из Болгарии, спасавшегося вместе с семьей от кровавой турецкой резни. Семья покинула Балканы в 1875 году, когда в канун Русско-турецкой войны 1876–1877 годов отряды башибузуков прошли по Болгарии огнем и мечом. Особенным зверствам и нечеловеческим издевательствам подвергались православные священнослужители. Евдокия Вац – это моя прабабушка.

Вац, Вацик, Вацек – фамилия, производная от славянского имени Вацлав. Мои друзья, болгарские историки, предполагают, что фамилия могла быть производной от Вацов.

*Семейный портрет. Слева – направо:
Евдокия Яковлевна, Яков Яковлевич,
Вера Яковлевна, супруга Василия
Яковлевича и Василий Яковлевич
Добрыня-Конюховы, (1914)*

Средний сын Петр Яковлевич (о нем подробно рассказано в главе «Дядя Петя – узник Александрии», см. «Моя Первая мировая война») – окончил химический факультет Киевского университета и, если бы не Первая мировая война, революция и вынужденная эмиграция, мог бы составить славу отечественной химической науки.

Младший сын Василий успел окончить лишь гимназические классы, но, по семейному преданию, кроме многочисленных

У Якова Яковлевича и Евдокии Яковлевны родилось четверо детей. Сыновья Иван, Петр, Василий и дочь Вера. Где именно они родились, я не знаю.

Своим детям Яков Яковлевич дал лучшее по тем временам образование.

Старший сын Иван окончил юридический факультет Киевского императорского университета имени святого Владимира, адвокат, женился на румынской аристократке и жил в Румынии (возможно, на территории Бессарабии или Северной Буковины). Бабушка Вера переписывалась с ним вплоть до начала Второй мировой войны.

*Иван Яковлевич
Добрыня-Конюхов. Киев.
Фотография Левицкого
(бывшая Фольмана), 1910 г.*

умений и талантов, обладал еще недюжинной физической силой и острым языком. Он сам, его жена, купеческая дочь – Ганна и все его четверо детей бесследно пропали в годы сталинских репрессий где-то на территории Ростовской области.

В 2005 году на полосе писем российской газеты «Известия» появился рассказ уроженца Тбилиси, живущего в Москве, который рассказал, что учился в грузинской столице в русской школе, где у него преподавала учительница дворянского происхождения Нина Добрыня. Я сразу же написала журналистке, готовившей полосу, по электронному адресу, указанному в газете. Хотелось связаться с этим человеком и подробнее его расспросить. Но мне никто не ответил.

Храню надежду, что семья моего двоюродного деда Василя, если не он сам, то хотя бы его дети, спаслись в годы репрессий. Ведь из Ростова-на-Дону можно было спастись бегством до Тбилиси, перебравшись через перевал! Увы, это лишь предположения, о судьбе семьи моего двоюродного деда Васи никаких сведений нет. Но о бабушкиных братьях в семье помнили всегда. Не забуду и я.

В гостях у предков. Чернигов – Городня – Невкля

Чернигов. Красная площадь (2016)

Долго мне не давала покоя мысль о том, что ответы на некоторые семейные загадки можно найти в селе Невкля Городнянского района Черниговской области. Интересно, помнит ли здесь кто-нибудь о местном помещике Добрыне-Конюхове? Может быть, о нем хранят память потомки его дочерей, которые могут до сих пор жить в окрестностях Городни? Знают ли старожилы в Невкле что-либо о том, где стоял помещичий дом и смогут ли показать это место?

Иногда я в мечтах себе представляю, как лопаты натываются в земле на тяжелый металлический сундук, завещанный моим далеким предком, как мы его открываем...

Я уверена, что мой предок спрятал в нем не только старинные документы и книги, но и оставил письмо своему сыну как своеобразное духовное завещание. Ведь не может же такого быть, чтобы не написал никакого напутствия. И мое сердце трепещет, когда представляю, что читаю его послание, спустя 150 лет!

Бабушка рассказывала маме, что в начале минувшего века ее братья Иван, Петр и Василий ездили в Невклю и пытались делать раскопки возле дома Добрыни, но сундук так и не нашли. Несмотря на отрицательный результат, это значит, что сто лет назад было известно место, где стояла барская усадьба. А не нашли, так только потому, что копали наугад, ведь тогда еще не было металлоискателей.

Побывать на родине черниговских предков я мечтала давно, а смогла сделать это лишь в сентябре 2016 года. Взяла отпуск и устроила себе «экспедицию». Маршрут: древний Чернигов – древняя Городня (райцентр) – старинное село Невкля.

В Чернигове мне показывала город моя коллега, журналист и историк по образованию Виктория Сидорова. В Городне сопровождала директор местного краеведческого музея, заслуженный работник культуры Украины Ольга Геннадьевна Смаль, которая радушно откликнулась на мое электронное письмо.

В сказочном Чернигове

Интересно, где в Чернигове до революции 1917 года заливали... каток? Старшие братья подарили моей юной бабушке шикарные норвежские коньки и, приезжая из Киевского института благородных

девиц на рождественские каникулы к родителям в Чернигов, она ходила кататься.

Однажды там ее заметил семинарист Павло Тычина, начинающий поэт-романтик и местный Дон Жуан. Но подхода к гордой институтке не нашел. Более того, ей так не понравилась его фамильярная манера знакомиться с девушками, что он получил резкий от ворот поворот...

*Не дивися так привітно,
Яблуневоцвітно.
Стигнуть зорі, як шиенця:
Буду я журиться...*

(Павло Тычина)

Киоскерша, торгующая сувенирами у входа в заповедник «Чернигов Стародавний», сказала мне, что каток до сих пор заливают в парке на Валу, рядом как раз здания бывших мужской и женской гимназии, где ныне располагаются Исторический и Художественный музеи.

Старые улочки... Где же мои прадедушка и прабабушка жили в Чернигове? Гуляя по городу, я присматривалась к старинным зданиям. Их сохранилось не так уж и много. Немецко-фашистские бомбардировщики выжигали старый Чернигов целыми кварталами.

Яков Яковлевич и Евдокия Яковлевна могли жить вот в этом доме или в том... А вот красивый каменный одноэтажный особняк: в нем в середине позапрошлого века несколько лет прожил известный писатель Глеб Успенский (1843–1902). Тогда будущий литератор был гимназистом...

С этим городом я удивительным образом ощущаю генетическое родство. Мне нигде еще не было так умиротворенно и хорошо.

В Чернигове практически невозможно заблудиться, благодаря радиально-лучевой планировке улиц, которая остается неизменной уже не одно столетие. Улицы расходятся от Красной площади. Да, да, главная площадь Чернигова так и называется. И на этой маленькой Красной площади каждый час бьют куранты.

В нескольких шагах – Пятницкая церковь конца XII – начала XIII века, один из самых редких и замечательных памятников древнерусского зодчества великокняжеской эпохи. Она была сожжена немецкими захватчиками. После войны восстановлена, благодаря выдающемуся

человеку Петру Дмитриевичу Барановскому (1892–1984), который на протяжении 70 лет занимался спасением памятников древнерусской архитектуры.

От площади «веером» расходятся бульвары – наследие «отцов» и архитекторов города еще со времен до 1917 года. А после Второй мировой войны нашелся еще один мудрый архитектор, который вместо разрушенных домов стал строить невысокие двухэтажные здания в центре города, чтобы многоэтажки не «заслоняли» памятники древнерусской архитектуры, коими Чернигов также богат, как и Киев.

Сердце древнего города – пятиглавый Спасо-Преображенский собор. Старейший сохранившийся памятник древнерусского зодчества (построен в 1030-е гг.). Здесь покоится прах князя Игоря Северского, воспетого моими предками в «Слове о полку Игореве», Игоря Черниговского и других древнерусских князей.

Возможно, строители Спасо-Преображенского собора повторяли в какой-то мере схему киевской Десятинной церкви. Эксперты полагают, что мастера, создававшие черниговский собор и Софию Киевскую, были из одной и той же столичной византийской артели.

Мне нравится, что специалисты заповедника «Чернигов Стародавний» при реконструкции храмов намеренно оставляют неоштукатуренными фрагменты древней кирпичной кладки, чтобы мы имели представление о строительном мастерстве наших предков.

А вот и сказочный «портал в... XII век»! В 1120 году черниговский князь Давид Святославович теряет своего сына Ростислава и в память о нем начинает строительство собора в честь первых русских святых Бориса и Глеба. Также князь приказал воздвигнуть усыпальницу для себя, где в 1123 году был похоронен.

Сейчас здесь музей и можно увидеть царские врата, которые, по преданию, отлиты в XVIII веке из переплавленного серебряного Перуна. Идол якобы был обнаружен при строительстве колокольни, а гетман Иван Мазепа велел переплавить его и сделать царские врата для собора Бориса и Глеба.

Но самое большое потрясение в сказочном городе Чернигове я испытала на выставке народной иконы, размещенной в здании коллегии. Сразу скажу: я не видела такой шикарной коллекции ни в Киевском художественном музее, ни в Музее древнерусского искусства

в Адриониковом монастыре в Москве. Черниговское собрание совершенно уникально и вызывает неподдельное восхищение высокой наивностью и искренней верой сельских иконописцев...

Вот, например, 3D-технологии XIX века: двусторонняя икона. Доска иконы вырезана продольными линиями, а неизвестный гениальный иконописец выписал ее таким образом, что, если смотреть слева – увидишь несение Креста, а если справа – образ Божией Матери.

В здании старинного коллегиума оборудован класс, и ты оказываешься в аутентичной обстановке, в которой занимались студиозусы XVII–XVIII веков, знакомишься с глаголицей и азбукой той эпохи.

Здесь же, на территории Национального историко-краеведческого заповедника «Чернигов Стародавний» сохранилось здание полковой канцелярии. Его называют «Домик Мазепы». Считается, что гетман бывал в этом здании. А народная молва по сей день распространяет историю о том, что Мазепа где-то здесь закопал клад. И клад этот

*С черниговской журналисткой Викторией Сидоровой,
Чернигов, Болдины горы (2016)*

охраняет дух его возлюбленной Мотри Кочубей. Красавица лишь тому покажет место, где зарыты сокровища, кто полюбит и поцелует ее. Лунными ночами она блуждает по парку, но случайно встретившие ее юноши, завидев бледную, прозрачную в лунном свете Мотрю, в ужасе бегут от нее.

Чернигов и Киев – мощные соперники эпохи средневековой децентрализации. Черниговский князь Святослав, сын Ярослава Мудрого, поссорившись с братом Изяславом, решил противопоставить свою столицу матери городов русских. А тут и преподобный Антоний, основатель Киево-Печерской лавры, впал в немилость у киевской власти. И князь черниговский Святослав, соблюдая конспирацию, прислал под покровом ночи гонцов за подвижником, чтобы укрыть у себя в Чернигове. Здесь Антоний и поселился, выкопав пещеру в Болдиных горах. В пещерах – действующий монастырь и музей.

Я не видела в Украине другого города, в котором бы лучше относились к сохранению исторического городского пространства и с любовью бы берегли его, как туристический центр.

Любопытный памятник в виде ствола дерева с обрубленными ветвями, оказался, надгробием, которое ставили на могиле последнего представителя дворянского рода, не оставившего потомства. Таким образом, на семейном древе больше не могло быть ветвей и род считался угасшим. Он стоит на одной из могил на территории Елецкого монастыря в Чернигове и заставляет задуматься о том, что мы в этом мире не вечны и что наша божественная миссия – продолжение рода.

Якорь надежды на алом фоне

Примерно полтора часа на автобусе и я в Городне. Малый бизнес здесь, по всей видимости, не «жмут». Потому что много кафе, магазинчиков, парикмахерских, приличная частная гостиница, в которой я остановилась, с кафе и автозаправкой называется «У Пуха».

Дом дореволюционного предпринимателя и мецената Писарева, в котором разместился местный музей, украшает великолепное чугунное крыльцо.

В музее пять залов (отделов), которые рассказывают посетителям об истории, культуре, быте Городнянщины. Экспозиция очень разнообразная и достойная: здесь можно увидеть археологические находки,

С директором Городнянского историко-краеведческого музея Ольгой Геннадьевной Смаль у входа в музей (2016)

рассказывающие о первых поселениях человека на территории края, останки древних животных, керамических и стеклянных изделий, железных изделий, изготовленных на средневековых рудниках, предметы быта конца XIX – начала XX веков, образцы народного костюма.

Достопримечательности в городке

любовно благоустроены, много памятников местным знаменитостям, включая еврейского поэта и переводчика Абрама Кацнельсона.

Историки считают, что в основе названия Городня лежит древнерусское слово «городня», которое означает «загороженное место, ограда». В древности многие города были обнесены «городнею», что гарантировало определенную защиту от нападений в беспокойные времена. Аналогичную этимологию, кстати, имеет и белорусский город Гродно. Думаю, слово «городня» в данной местности могло издревле нести еще и такой смысл: «граница», «пограничная стена», рубеж, защищающий родную землю от захватчиков. Места эти исстари известны раскольничьими скитами и сторожевыми постами, охранявшими западные границы Руси.

Из «Топографического описания Черниговского наместничества, составленного Афанасием Шафонским» (1786): «Городня, находящаяся при слиянии рѣчекъ Чибирижи и Бутовки, образующихъ р. Городну, по справедливому мнѣнію незабвеннаго ученаго Богослова и историка нашего Филарета, Архіепископа Черниговскаго, поселеніе очень древнее, до татарское. Доказательствомъ тому служить, находящееся на лѣвомъ берегу рѣки Городни Городище, земляное укрѣпленіе,

которое возобновляемо было во время гетманства и скрыто по открытии уѣзда, для постройки на немъ судебныхъ мѣстъ».

На берегу речки Чибриж установлен памятный знак в виде герба города.

В красном поле черный якорь и три серебряные восьмилучевые звезды, положенные одна сверху, а другие две – по бокам от якоря.

Городня, символ-герб (2016)

Изображение якоря находилось на печати бывшей сотенной канцелярии местного казачьего войска.

Якорь, подобный городнянскому, можно найти на польском шляхетском гербе «Радзиць». Известно, что в Польшу этот родовой герб попал вместе со своим обладателем из Германии, где он был

подарен родоначальнику семьи еще в XIV веке за доблесть в морском сражении.

Высказываются предположения, что во времена польского господства Городня была отдана одному из потомков немецкого моряка, которым и был местный шляхтич по фамилии Хвощ. Может быть, и перекочевал якорь из Германии до родового герба польского помещика, а потом и на герб города Городни?

Возможно и другое объяснение символики: якорь (в окружении звезд – символа небесного благословения) выступает в гербе Городни как христианская аллегория надежды («якорь спасения»).

Точно происхождение символики герба не выяснено. Но есть предположение, что 400 лет тому назад местные речки были судоходными. По ним купеческие корабли вполне могли плавать торговать в Белую Русь и Речь Посполитую.

Летом 1709 года один из шведских отрядов, идя на Полтаву,

попытался захватить Городню, но безуспешно – жители города оказали сильное сопротивление. В знак благодарности за мужество и стойкость Петр Великий в день своего тезоименитства подарил городку 3 чугунные пушки (по Шафонскому, «одна называемая единорогъ, въ 35 пуд. 35 ф., другая длинная въ 19 пуд. 30 фун., а третья куца въ 17 пуд.»), которые, пребывая в сохранности по сей день, являются почетным символом города.

Настоящее чудо Городни – это новый храм святого Николая Чудотворца. Кстати, покровителя путников, каковым в Городне являлась и автор этих строк.

Три старинных (до 1917 года) церкви были снесены большевиками. Последним разрушили храм в честь Николая Чудотворца – в начале 60-х годов. И теперь на этом месте построен новый храм также в честь святого Николая.

Почему я называю его чудом? Не во всяком большом и важном современном храме встретишь столь высокохудожественное и богатое оформление внутреннего убранства. Фрески и иконы соответствуют духу и традициям 100-150-летней давности и, если бы не свежесть и яркость красок, можно было бы подумать, что все находящееся внутри храма – старинное. Особенно восхищают искусно сотканые плащаницы!

И этот шедевр городнянцы сотворили сами. Надпись выразительной славянской вязью над центральным входом в храм «Святителю, отче Николае, моли Бога о нас» сделал местный житель. Внутренние фрески расписывали художники из Чернигова и Золотоноши Черкасской области. Среди тех, кто выполнял отделочные работы – две женщины из Городни, сестры, имена которых как знаки свыше – Вера и Любовь. Им пришлось грунтовать штукатурку под фрески на высоте 15 метров.

Спасибо настоятелю – отцу Мирону, который благословил меня на фотосъемку.

«Утоли моя печали»

Когда грянула Отечественная война с Наполеоном 1812 года, Городнянщина собрала ополчение из простого люда и дворянства. Как говорится в книге «Неопалимая Купина – наша слава Городня»,

в Городне сразу собрались почти две тысячи ополченцев. Кроме того, здесь спешно были сформированы отряды самообороны.

Всего на Черниговщине вступило в ополчение против французов почти 26 тысяч человек. Из них были сформированы шесть конных казачьих и десять пеших полков и еще артиллерийская команда из сорока пушек. В состав конных полков влилось вольное казачество, дворянство и отставное офицерство.

Содержалось ополчение исключительно на средства губернии. Из государственной казны выделялись деньги только на ружья и порох. Даже боевые знамена готовили для ополченцев их семьи. Через несколько дней ополченцы Городни выступили против врага.

Я не знаю, как выглядел тот юный ополченец, что по дороге на фронт остановился в доме Добрыни-Конюхова в Невкле, но я не сомневаюсь, что он был честен, пылок и отважен. Единственный сын – любимец матери! Мать снарядила его в дальнюю дорогу на праведную войну, благословив и дав в дорогу как заступницу старинную икону «Утоли моя печали» в огромном серебряном окладе. Серебряный оклад был размером с целое окно!

Оклад этот был столь громоздким, что невозможно было даже представить, как же конный воин может биться с врагом, обремененный таким грузом?

Ополченец не мог отказать матери и принял икону. Остановившись на постой в доме Добрыни-Конюхова, воин попросил моих предков сберечь ее, произнеся такие слова:

– Если мне суждено вернуться домой живым, на обратном пути я заберу икону. Если погибну, пусть она станет хранительницей вашей семьи, ибо я – последний в роду...

За семейной реликвией ополченец больше не вернулся. А нашему роду завещано – беречь ее как бесценное достояние. Никто из потомков не вправе ее ни подарить, ни продать в другие руки, можно лишь передавать по наследству, ибо было дано слово чести – дожждаться возвращения героя Отечественной войны 1812 года.

С того времени наша семья бережет икону «Утоли моя печали» с изображением Богородицы. «Утолимая» означает утешающая, укрощающая, т. е. утешающая не только печали и болезни, но и людское жестокосердие.

Удивительна история этого списка. Первая, известная с XVII века, икона «Утоли моя печали» находилась в белорусском городе Шклове. Этот образ был привезен в Москву казаками в 1640 году при царе Михаиле Федоровиче. Однако особенное, всероссийское прославление получил замоскворецкий список иконы, находившийся в церкви Святителя Николая, что на Пупышах в Садовниках. Одно время, вероятно, вследствие пожара и неоднократных перестроек храма об иконе забыли, она была заброшена и находилась на колокольне в великом небрежении.

Но однажды случилось чудо. Женщина знатного происхождения, жившая вдали от Москвы, долгое время была прикована к постели, страдая изнурительной болезнью. Врачи уже не надеялись на её выздоровление, и женщина ожидала смертельного исхода. Во сне болящая увидела Божию Матерь, молвившую ей: «Вели себя везти в Москву. Там, на Пупышеве, в храме Святого Николая, есть мой образ с надписью: «Утоли моя печали», молись пред ним и получишь исцеление».

Женщина поделилась виденным со своими родственниками, и все с глубокой верой отправились в нелёгкий для болящей путь. По прибытии в Москву отыскивали указанный храм. Однако, осмотрев всю церковь, прибывшие не нашли того образа, который явился женщине во сне. Тогда священник, к которому больная обратилась за советом, приказал причётникам принести с колокольни все иконы Божией Матери. Среди обветшавших и запылённых досок обнаружили икону Богородицы с надписью: «Утоли моя печали». Увидев его, больная воскликнула: «Она! Она!» – и, не имевшая до этого возможности даже пошевелить рукой, к удивлению всех, перекрестилась. После молебна женщина приложила к иконе и встала на ноги совершенно здоровой. Это исцеление произошло 25 января 1760 года.

...Давно уже нет огромного серебряного оклада, его бабушка Вера отнесла в Торгсин во время Голодомора 1933 года, чтобы получить продукты и тем самым спасти семью от свирепого голода. А вот сама икона очень скромного деревенского списка – хранительница нашего рода.

Из поколения в поколение мы и наши друзья любимы этим иконописным ликом. И лишь недавно мне удалось понять, почему он так завораживает и что в нем столь необычно!

*Икона «Утоли моя печали»
(список предположительно
конца XVII – начала XVIII века)*

Как пишет протоиерей Александр Бутрин (<http://www.hram-bal.ru/reading/ID-240/>), тем, кто знает и любит иконы, известно, что образ Пресвятой Богородицы «Утоли моя печали» встречается, как говорят иконописцы, в нескольких «изводах». Божия мать представлена обращенной то в правую, то в левую сторону

с несколько отличающимися положениями руки. Младенец-Спаситель, то как бы сидит, то почти лежит у нее на коленях или в колыбели, но самой колыбели не видно, и он кажется парящим в воздухе. Свиток в руках младенца – неперменная деталь иконы, но на разных иконах на нем читаем разные надписи. Пожалуй, еще только одна богородичная икона так многообразно пишется – «Всем скорбящим радость». Но там различия обусловлены сложностью изображения со множеством предстоящих, а на иконе «Утоли моя печали» представлены только Божия Матерь и Младенец-Христос. В чем же причина таких различий?

С конца XVII века власти усердно боролись со старыми, написанными до никоновской реформы, иконами, время от времени учиняя кампании по их «исправлению» или изъятию. В 1758 году вышел указ Синода, назначавший специальные комиссии для осмотра икон во всех храмах и монастырях. «Неискусно написанные», то есть, изображающие двуперстное сложение иконы было велено изымать.

А на нашей иконе «Утоли моя печали» правая рука Богоматери сложена в двуперстие, как и у того образа, с которого, по преданию, началось почитание иконы «Утоли моя печали». Она каким-то чудом сохраняет одухотворение высокого церковного искусства древней Руси и Византии.

Что здесь проявилось больше: «необычайное художественное тайновидение», или сильное воздействие на иконописца не дошедшего до нас замечательного подлинника?

Главное: все пять пальцев левой руки Богородицы хорошо видны у края лица. Ее рука и пальцы словно в движении, но так, что очевидно просматривается двуперстное сложение. Богородица уже подняла руку, но еще не сложила пальцы. Наша икона – старообрядческая!

Когда в Москве началась ревизия икон, написать образ с двуперстным сложением было невозможно. И иконописец сделал все, что мог, не кривя душой: он не сложил ладонь Богородицы, она лишь подняла руку так, что остается недосказанность, полужест, но смысл его понятен посвященным.

Невкля – непреклонная?

Деревня Невкля со всех сторон окружена дремучими лесами. Благодаря близости к Чернобыльской зоне, где охота запрещена, леса эти сегодня наполнились дикой живностью: кабанами, волками, медведями. И, говорят, можно встретить даже рысь!

В этих местах испокон веков промышлял Соловей Разбойник. А там, где он, там, вестимо, ходили на конях Илья Муромец и Добрыня Никитич. Все географические названия в округе отмечены былинными сказаниями о «Добрыне Никитиче» и «Илье Муромце». Оба, как известно, реальные исторические персонажи.

Вот старинное село Моровск соседнего с Городней Козелецкого района Черниговской области. Когда-то здесь находился древнерусский город, одно время называвшийся Муромском, что дало некоторым исследователям основание полагать, что именно из здешних краев был родом былинный богатырь Илья Муромец.

В XIX веке утвердилась мысль, что Илья родился в селе Карачарово, которое находится возле российского города Муром. Это мнение основывалось на былинах, записанных в XVIII–XIX вв. Однако, былинный герой был известен по историческим документам задолго до первых записей былин. Да и куда логичнее было отправиться богатырю на службу к киевскому князю из города, расположенного в 100 километрах от Киева, а не за 1000. К тому же до Киева Илья добрался очень быстро – всего за один день!

Но богатырь Илья, согласно былинам, хоть и был Муромцем, родился все же не в самом городе, а в деревне Карачарово. Такая деревня существует и сегодня близ Мурома на берегу Оки.

Но и в Черниговском княжестве был свой древний город Карачев! Более того, недалеко от Карачева протекает река Смородинная, а на её берегу находится древнее село Девятидубье. Старики там еще помнят, что совсем недавно были живы те, кто видел огромный пень, который по преданию, сохранился от девяти дубов. И, дескать, именно среди гигантских дубовых ветвей прятался и свистел Соловей-разбойник, не давая проходу торговому люду.

Дорогу на Киев славным богатырям преграждали непроходимые леса, вязкие болота и былинная речка Смородинная. В чащах Соловей Разбойник пугал путников (возможно, реальный лихой человек, разбойник или сумасшедший беглый языческий волхв). Но богатыри все препятствия преодолевали и Соловья не пугались...

...Когда колеса машины забуксовали на песчаной лесной просеке,

В Невкле (2016)

и при этом оказалось, что мобильной связи тут нет и в помине, я оробела не на шутку, мысленно прикидывая: это сколько ж километров придется топтать за помощью? Не иначе, как моему намерению побывать в Невкле решил помешать сам Соловей Разбойник! Чур меня! С Ольгой Геннадьевной вытолкали автомобиль...

А вот и болотистая местность. Она тоже упоминается в былинах про богатырей. Речка здесь исстари именуется Невклянским ручьем и впадает в болото Замглай. Гляжу: в середине ручья плавают гуси и лебеди, а на противоположной стороне важно вышагивает серая цапля – царица болот. Какая девственная красота!

Невкля, речка Замглай (2016)

Откуда пошло это название – Невкля? Местные думают, что от белорусского «неукля» – неуклюжий, нерасторопный, несуразный. А мне слышится в этом слове старославянское – «клятва» с корнем «кля». Некоторые исследователи отмечают связь слова с корнем «клонить»,

объясняя это тем, что раньше было принято преклонять колено при клятве.

Невкля... Неужели не... преклонились? Интересно, перед кем не преклонили колен первые поселенцы – основатели села? Может быть, они были старообрядцами?

Посреди деревни стоит одноэтажный сельский клуб с библиотекой – стены этого клуба были когда-то стенами деревенского православного храма, в котором, вероятно, крестили моих далеких предков.

В паре сотен метров отсюда возводится новая церковь. Небольшая, но в традициях местности – целиком деревянная красавица. Также я заметила, что в здешних местах принято рядом с храмом размещать еще и открытую часовню, в которой устанавливают статую Богоматери либо святого, в честь которого освящен храм. Таким образом, путник может помолиться даже тогда, когда храм закрыт и службы нет (например, поздним вечером).

Прогулялись по центру села вместе с директором Городнянского музея Ольгой Смаль и председателем сельсовета Людмилой Куцей. Напротив бывшего старинного храма, а теперь клуба, я фотографировала развалины старого дома, именуемого здесь «Домом репрессированных», и еще несколько архаичных хозяйственных построек.

– «Барский дом» здесь стоять не мог, – охлаждает мой романтический пыл местный библиотекарь Светлана Карпенко, – потому как напротив храма, по другую сторону деревенской площади, до 1917 года были торговые ряды, которые держали еврейские предприниматели, обосновавшиеся в этих местах еще со времен польско-литовского владычества.

В Невкле род Добрыни-Конюхова никто уже не помнит. Да и старожилов не нашли, которые бы показали место, где 150 лет назад мог быть сельский погост.

Обратно на Городню возвращались через село Великий Листвен. Здесь стоит шедевр православной храмовой архитектуры – храм Архистратига Михаила. Эта церковь является исключительным памятником Черниговской архитектурной школы гетманской эпохи, не имеющим аналогов. Церковь была сооружена в 1742 году по инициативе помещика А.Д. Дунина-Борковского.

В историко-краеведческом музее Городни можно увидеть живо-

писную картину кисти местного художника с развалинами этого храма, в каких он стоял еще недавно. Теперь он реставрируется. И я фотографировала заново рождающийся храм перед закатом солнца, пытаюсь поймать в объектив удивительные солнечные блики на куполе, которые сияли, словно алмазное ожерелье...

«Да вы ж не там искали!»

Сокровенную миссию я так и не выполнила – место, где стоял в Невкле дом моего прапрадеда – мелкопоместного дворянина Якова Добрыни-Конюхова, мы не нашли. Шутка сказать: прошло более 150 лет с тех пор, как его сын и мой прадед – Яков Яковлевич подростком покинул Невклю и больше не вернулся сюда.

Перед отъездом из Городни бог послал мне навстречу Павла Ермоленко из местного Поисково-исторического клуба «Копатыч».

– Приезжайте еще, – сказал Павел. – В здешней земле кладов – бездна. Сами попробуете откопать наконечник древнерусской стрелы и почувствуете, какой это восторг!

По словам Павла, видел он в окрестностях Невкли остатки «какого-то дома».

– Да, вы ж не там искали! Помещичьи усадьбы никогда не стояли по центру села, а обычно «над» селом – на возвышении, – говорит Павел.

Сельская усадьба в сегодняшнем понимании – это дом, окруженный клочком земли. А старые дворянские усадьбы представляли из себя огромные владения, на которых где-то «терялись» дома владельцев со всеми хозяйственными постройками, а вокруг – сады, огороды и даже поля.

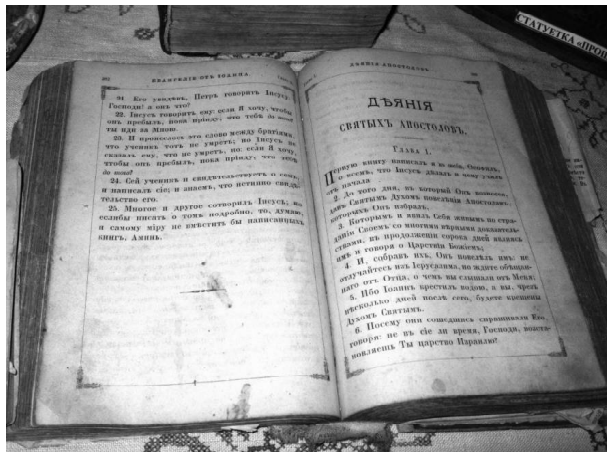
В том, что «клад Добрыни-Конюхова» получится откопать в целости и сохранности, опытный «кладоискатель» сомневается. Говорит:

– Металлоискатель реагирует на любой металл, даже мелкий. Ваш предок, скорее всего, закопал сундук глубоко. Можно копать и выкопать по зуммеру... старый гвоздь.

И все же мой ум не перестают будоражить истории, когда бесценные древние рукописи и документы обнаруживались совершенно случайно и столь же случайно бесследно пропадали.

Выдающийся историк литературы и палеограф, профессор В. Н. Перетц (1870–1935) рассказывал, что один из его учеников видел

в Астрахани воз со старыми бумагами, которые крестьянин продавал на базаре. Студент обнаружил на возу среди всякого хлама несколько

рукописных сборников, в одном из которых был список «Слова о полку Игореве». Но у него не было денег, чтобы купить рукописи и какой-то казах купил воз целиком, свалил вещи и книги в свою арбу и уехал...

С каким намерением

купил казах воз древнерусских рукописей, трудно сказать, однако, зная,

*Старинное Евангелие от Иоанна,
Городнянский историко-краеведческий музей (2016)*

какими случайными путями входили в науку многие бесценные хронографы и памятники древней литературы, можно предположить, что еще большее число их исчезло в ситуациях, подобных той, которая произошла на астраханском базаре или в связи с кончиной Добрыни-Конюхова.

Кто знает, какие древности на самом деле могли храниться в усадьбе потомка воеводы Добрыни в маленьком непреклонном селе, затерянном в густых черниговских лесах?

III. Вятское сказание. Семь «я»

Память – это медная доска, покрытая буквами, которые время незаметно сглаживает, если порой не возобновлять их резцом.

Джон Локк

Фотография на память.

Слева – направо (второй ряд): моя бабушка с внучкой на руках, мой дедушка Петр Зеленин с моим папой Леонидом, пожилые мужчина и женщина в темной одежде предположительно – сваты, родители зятя, а рядом с ними – зять и старшая сестра моего отца – Маруся. Дети, сидящие в первом ряду и составляющие центр композиции (слева – направо): братик Иннокентий, еще одна внучка – дочь Маруси, братик Борис.

«Вятский, хватский, семеро одного не боятский», «Вятский слепень наехал на пень и кричит: «Сврачивай!»».

С этими прибаутками папа рассказывает мне про Киров, старинное название – Вятка, город, в котором он родился. Мне лет 8–10 и тонкая самоирония народных вятских пословиц уже доступна моему пониманию.

Хлынов, Вятка...

От Вятки мы далеко-далеко – в Махачкале. Папа почти всегда на работе. Леонид Петрович Зеленин – журналист, главный редактор газеты «Дагестанская правда». Работает целый день, вечером после ужина мама нас с братом гоняет: «Тише, отцу надо отдохнуть!». Он подремлет часок и в ночь опять поедет в редакцию – внимательно просматривать свежий номер газеты и подписывать его в печать.

В те редкие часы свободного времени, когда семья общается, родители беседуют обо всем: о новом романе В. Пикуля «Баязет», опубликованном в свежем номере «Дружбы народов»; о премьере в русском драматическом театре имени Горького по пьесе Маяковского «Баня»; о том, что в «Дагестанской правде» к выходу в свет готовится очередная полоса «Литературной страницы».

Так получилось, что о папиной семье мы говорили до обидного мало. У руководителя республиканской газеты и депутата Верховного Совета республики, заслуженного работника культуры РСФСР, почти не было свободного времени, чтобы уделять его семье. О предках со стороны мамы я уже в детстве знала гораздо больше.

Папа, папа! Добрый, с сильным аналитическим умом, скромный, все прощающий и понимающий меня, как никто другой. Может быть, потому что мы с ним оба «Козероги», у нас с ним было абсолютное душевное и интеллектуальное взаимопонимание. И профессии у нас одинаковые.

И вот, теперь, спустя более 20 лет, как его нет, я отправляюсь на его родину – в старинный русский город Вятку и Вятский край. К сожалению, тур этот пока виртуальный, а не реальный.

Хлынов (историческое название Вятки до 1781 года) во времена расцвета Великого Новгорода, представлял собой таможенный форпост

восточных рубежей Руси. Как и сибиряки, все вятичи – первопроходцы, сродни американцам.

В эти земли отправлялись непокорные новгородцы, создавшие здесь самоуправляемую Вятскую вечевую республику. Вдали от московских и киевских земель сформировалось уникальное сообщество независимых жителей, вполне обеспеченных природными ресурсами для жизни.

Географическое расположение было весьма удобным. Севернее – таёжные массивы хвойного леса, богатые зверем и птицей. Южнее – преимущественно смешанные леса с плодородными почвами.

В этих местах пролегал древний торговый путь из Киевской Руси за Камень (как называли Урал), так что часть дохода казны Хлынова составляли «таможенные» сборы с торговцев.

В Хлынове был свой флот – многовёсельные ушкуи (лодки), на которых вольные жители спускались вниз по Вятке, Каме, Волге. Конструкция лодок позволяла идти на вёслах против течения.

Писательница Евдокия Турова в своей книге «Кержаки» приводит ссылку на письменные источники, согласно которым жители древнего Хлынова спускались на лодках до столицы Орды, «конфисковывали» там часть дани, которую Русь платила Орде, а, затем, благополучно возвращались в родные края. Татаро-монгольская конница не решалась их преследовать, как только вятские ушкуйники достигали непроходимых лесов.

Вятичи никогда не платили Орде дани. И не знали крепостного права. Все крестьяне здесь были государевы: уплатил налог и, пожалуйте, работай на свою семью.

Отбывавший здесь ссылку саркастический Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин написал о Вятке необыкновенно теплые и проникновенные слова: «В одном из далеких углов России есть город, который как-то особенно говорит моему сердцу. Не то, чтобы он отличался великолепными зданиями, нет в нем садов пирамидных, ни одного даже трехэтажного дома не встретите вы в длинном ряде улиц, да и улицы-то все немощеные; но есть что-то мирное, патриархальное во всей его физиономии, что-то успокаивающее душу в тишине, которая царствует на стогнах его. Город расположен очень живописно; когда вы подъезжаете к нему летним вечером со стороны реки и глазам вашим издалека откроется брошенный по крутому берегу городской сад,

присутственные места и эта прекрасная группа церквей, которая господствует над всей окрестностью, вы не оторвете глаз от этой картины».

Фотография на память

Это уникальное семейное фото хранятся в архиве моей двоюродной племянницы Светланы Трофимовой, живущей в Новосибирске, внучки папиного брата Иннокентия. Фото относится к 1922 году.

Редко можно увидеть на старинных семейных фото столь многолюдную композицию! На снимке – патриархальное семейство.

На фото Петр Зеленин выглядит очень стильно и дорого. Несмотря на пережитую революционную бурю, на нем – белый (чесучовый?) летний пиджак. Жена и дети одеты довольно скромно, но очень аккуратно.

Вот мальчик, расположившийся между колен у деда, ему 4–5 лет, это – мой папа! Леонид – самый младший в семье, последыш, и он лишь немногим старше двух дедовых внучек.

Пусть вас не удивляет, что на нем – девичье платье. Это такая своеобразная патриархальная мода XIX – начала XX века, когда мальчиков, вплоть до 7 лет, наряжали в девичьи платья. Разумеется, с нынешней европейской трансгендерной толерантностью это не имело ничего общего! В те времена так по-девичьи наряжали даже маленьких мальчиков императорской семьи.

В платьях мальчишки не чувствовали себя ущербно или не по полу одетыми – так наряжали деток во многих мещанских семьях. Как сегодня нас с вами не смущают девочки в брюках. Хотя малыши, конечно, с нетерпением ждали, когда им позволят носить брюки, ведь тогда они уже считались бы «взрослыми». Пока мальчики находились на попечении матери, они были одеты в платья, но как только они переходили на попечение мужчин – отца или учителя, они надевали брюки. После Первой мировой войны платья на мальчиках стали встречаться реже и реже.

И мой папа эту моду помнил, он мне рассказывал, что его мама, когда он был маленьким, именно так его и наряжала.

О чем это говорит? Во-первых, о достойном социальном статусе семьи и стремлении к городской респектабельности. В их «кругу» так

было принято. Во-вторых, о трогательной провинциальной чистоте и консервативности семьи Зелениных. 1922-й год на дворе, а на этой фотографии XIX столетие словно замерло.

Сразу видно, что глава семейства – человек образованный и обеспеченный. Хотя заметно, что он и его супруга за годы революции и Гражданской войны поиздержались и похудели, пиджак на дедушке и платье на бабушке «висят» мешковато. Что же им пришлось пережить с 1917 по 1922 год, можно только представить.

Интересно, где была сделана эта фотография? Как сообщает моя родственница Светлана Трофимова, на обороте фото есть надпись, которую она расшифровала так: фотография В. М. Репина в Вятке, Николаевская ул., рядом с киевск. ном».

По всей видимости, речь идет о фотографе Василии Максимовиче Репине. В интернет-поисковике нахожу информацию о том, что это был модный вятский фотограф, ученик классика русской фотографии Петра Григорьевича Тихонова. Подробную статью о творчестве и достижениях П.Г. Тихонова, о его учениках и потомках я нашла в статье П.А. Тихонова и А.А. Захаровой «Семья Тихоновых (1870–1980-е гг.) и ее роль в истории отечественной фотографии» <http://rosphoto.org/ru/rosfoto/item/209-tihonovy/209-tihonovy?showall=1>.

Помещение фотографического салона на Николаевской улице, 46 в Вятке учитель передал своему ученику Василию Репину в 1903 году, и салон стал называться «Центральная фотография». Он располагался рядом с «Европейской» гостиницей. В коллекции старых вятских «видов» есть изображение этого здания. Можно полюбоваться Николаевской улицей в месте ее пересечения с улицей Спасской. В дымке на горизонте виднеется купол Александро-Невского собора.

Угловой дом, что запечатлен на открытке – дом купца Репина, построенный в начале XIX века. В нём постоянно находились номера и меблированные комнаты. В конце XIX века была проведена перестройка здания, появился третий этаж, а в самом начале XX века в нём была открыта лучшая в Вятке гостиница «Европейская», часть здания заняли магазины.

Надо полагать, перекресток Николаевской и Спасской улиц был общественно-деловым центром Вятки: магазины, банк, гостиница, здание общественного собрания.

Очевидно, неразборчиво написанную строчку «рядом с киевск. ном.» правильно следует все же читать «рядом с европейск(ими) ном(ерами)», то есть с гостиницей «Европейская». Тогда все сходится.

По документам мой папа родился 29 декабря 1917 года – впереди война, голод, военный коммунизм...

Выжить самим, сохранить детей, выходить и выкормить грудного ребенка – родительский подвиг! Дети ухожены, лица ребятишек безмятежные. По всему видно, родители сделали все, что было в их силах, чтобы невзгоды революционного времени не коснулись детских душ. И на всех лицах читается облегчение. 1922 год. Самое страшное позади, все счастливы, что живы, и собрались вместе, дабы сделать снимок на память.

Питие и бытие

Кем же был мой дед, скончавшийся в 1927 году? В своей автобиографии при назначении на работу в газету «Дагестанская правда» в 1954 году папа написал, не упоминая имен-отчеств своих родителей, следующие загадочные фразы.

О себе: «Родился в 1917 году в г. Киров Кировской области, в семье

служащего». Об отце: «Отец до Октябрьской революции был продавцом в винной лавке государственной винной монополии, после 1917 г. – рабочим на новостройках».

Это официально. А дома папа говорил, что его отец и мой дед в Вятке состоял на губернской службе, то есть был чиновником.

Я пыталась найти следы «чиновника» Петра Зеленина в дореволюционных «Адрес-календарях Вятской губернии». Кого там только нет: от губернатора до почтмейстеров в уездных городках! Но Петра Зеленина, подходящего по возрасту я там не нашла.

Спасибо краеведческому portalу «Родная Вятка», который представляет новую электронную версию «Книги Вятских Родов» В. Старостина, разработанную совместно с автором.

«Книга Вятских Родов» – это уникальный в своём роде труд выдающегося краеведа Василия Андреевича Старостина (1953–2014).

Что там есть о Зелениных? Согласно данным, собранным В.А. Старостиным, род известен на Вятке с XVII века и насчитывает 20 семей. В 1615 году – 1 (г. Хлын.); в 1629 году – 1 (Хлын.); в 1710 году – 8 (г. Хлын.); в 1717 году – 6 (г. Хлын.); в 1721 году – 4 (г. Хлын).

«Хлын.» – это сокращенное от Хлынов.

Первое упоминание Зелениных в Памятных книжках Вятской губернии, согласно Старостину, появляется в 1897 году.

Всего же, по Старостину, в Вятском крае Зелениных – 52 семьи в 24 селениях. По Кировской области (включая города): 32 семьи в 21 селении.

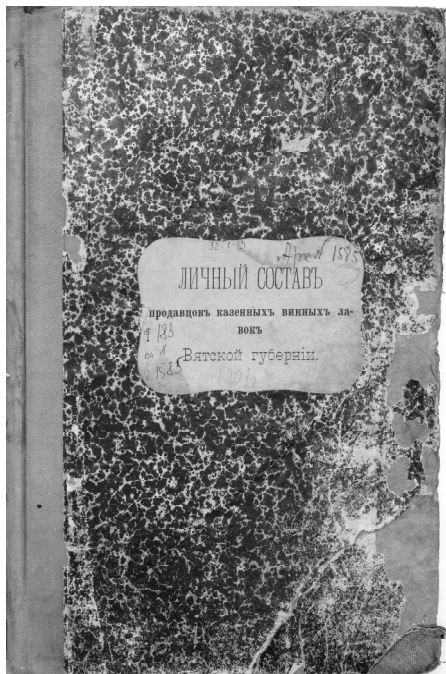
В общем, попробуй отыщи среди них моего деда! Вся загвоздка в том, что, к своему стыду, его отчества до недавнего времени я не знала!

В одном из генеалогических сообществ в Интернете я познакомилась с вятским историком-краеведом Сергеем Шишкиным. И он начал поиск, опираясь на информацию в автобиографии моего отца о том, что мой дед был продавцом в лавке казенной винной монополии. Сергею удалось разыскать документ, в котором упоминается мой дед.

Это список личного состава продавцов казенных винных лавок Вятской губернии. В них значится Петр Иванович Зеленин, который поступил на службу в марте 1901 года и внес залог в сумме 500 рублей в Орловское уездное казначейство Вятской губернии. Согласно записям в метрических книгах, старшие братья моего отца Борис и Иннокентий

были записаны и крестились в церковных книгах села Гороховского Орловского уезда.

В церковных записях они числятся как дети «продавца Гороховской винной лавки Петра Иванова Зеленина». Сомнений не остается, Петр Иванович – мой дед.

Государственная винная монополия в царской России довольно интересное явление.

Вот документ из Фонда Кировского областного краеведческого музея. Это Акт от 26 сентября 1899 года о закладке Казенного винного склада:

«В Бозе почивший Государь император Александр III, в ограждении народной нравственности и народного здоровья от растлевающего влияния существующей системы торговли крепкими напитками, Высочайше соизволил в 6-й день июня 1894 года повелеть: установить, постепенно во всей Российской Империи, начиная с первого января 1895 года, казенную продажу питей.

Ныне благополучно царствующий Государь император Николай II, приводя в исполнение благие предначертания покойного Своего Родителя, Императора-мироотворца, Высочайше соизволил, в пятый день мая 1897 года, признать своевременным ввести, с первого июля 1901 года, казенную продажу питей и в Вятской губернии. В исполнение сего Монаршего повеления, при управлении Министерством финансов Статс-секретаря Сергея Юльевича Витте, начальнике Главного Управления неокладных сборов и казенной продажи питей, Действительном Тайном Советнике Николае Михайловиче Клингенберге, Вятском Епархиальном Преосвященном Алексии, Управляющем акцизными сборами, Статском Советнике Михаиле Петровиче Рыкачеве был

заложен 26 сентября 1899 года казенный винный склад в присутствии ниже подписавшихся лиц, участвовавших при совершении молебственного богослужения на месте закладки. Постановлено: акт сей в увековечение реформы в губернии, вложить в фундамент закладываемого здания».

Здание винного склада производительностью 300 тысяч вёдер вина в год было построено в Вятке по проекту архитектора И. А. Чарушина уже в 1901 году. Внутреннее оснащение производили инженеры-технологи от акцизного ведомства – Водзеницкий, Колачкович и Орлов. Это старое здание винного склада считается образцом промышленно-складской архитектуры в Вятке дореволюционного времени.

Здание Казенного винного склада в Вятке (современный вид)

Государственная винная монополия, введенная по инициативе министра финансов Российской империи Сергея Витте, распространялась на очистку спирта и торговлю крепкими спиртными напитками. Винокуренные заводы могли принадлежать частным предпринимателям, однако производимый ими спирт покупался казной, проходил очистку на государственных складах и продавался в государственных винных лавках.

Только в винном складе можно было оптом приобрести водку и «хлебное вино» крепостью 40 градусов, и продавать его можно было по твердым государственным ценам и наценкам (прибыль продавца). Водка должна была представлять собой только чистый (!) алкоголь, разбавленный чистой же артезианской водой.

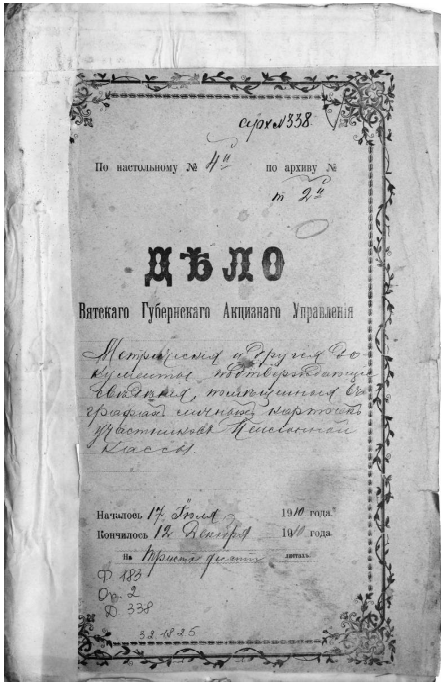
Как Петр Зеленин свое дело открыл

Интересно, что торговый бизнес в винной монополии был основан, выражаясь современным языком, на частно-государственном партнерстве. Винная монополия позволяла местным крестьянам заниматься предпринимательством. Так, одни предприимчивые люди заключали договор с Акцизным управлением, строили магазины и затем государство арендовало у них эти помещения, а те – получали ежегодную оплату. Желаящие работать продавцами в свою очередь платили взнос в казначейство, получали право на торговлю, закупали у государства товар, продавали его с учетом накладных расходов и зарабатывали свою прибыль.

По документам Вятского акцизного ведомства, владельцем-арендодателем лавки, в которой начал торговлю мой дед, был крестьянин, отставной солдат Андрей Гаврилович Колупаев. Андрей Гаврилович специально построил здание лавки для сдачи ее внаем. Для того, чтобы открыть свое дело при казенном ведомстве, требовалось заключить договор, оплатив пошлину шестью акцизными марками, достоинством в 80 копеек.

Причем, как оказалось, «Гороховская винная лавка» на самом деле располагалась не в Гороховском, а в соседнем селе.

В донесении на имя управляющего акцизными сборами Вятской губернии местный надзиратель пишет: «Представляя при сем на утверждение Вашего Превосходительства договор, заключенный помощником акцизного надзирателя Г. Соколовым с крестьянином Андреем Колупаевым на постройку здания для помещения казенной винной лавки в деревне Коряковской в 3/4 верст от с. Гороховского Орловского уезда, имею честь доложить Вашему Превосходительству, что по сообщению помощника акцизного надзирателя Соколова открыть винную лавку в самом селе Гороховском нет возможности, так как вся земля, на которой находится означенное село, принадлежит причту

церкви села Гороховского. Поэтому означенная винная лавка в силу необходимости предположена к открытию в ближайшем к селу Гороховскому селении – деревне Коряковской» (Фонд 183, опись 6, дело 5220).

Ох, серьезное и хлопотное же это было дело – открыть сельское питейное заведение по всем правилам тогдашней регуляторной политики!

Так, по договору, крестьянин Колупаев брал на себя обязательство на своем земельном участке построить по типовому проекту Акцизного управления для казенной винной лавки «новый дом, деревянный, бревенчатый, на каменных столбах,

крытый тесом, с помещением для жилья продавца (вот вам и социальная ответственность! – Е.З.), а также все необходимые службы и холодные постройки, какие показаны в переданном плане, а именно: навес для дров, сарай для хозяйственных нужд продавца, коровник, погреб, сарай для хранения порожних ящиков и соломы. Все эти постройки, за исключением навеса для дров должны быть из бревен, толщиной не менее трех вершков с дверями, приспособленными для запираения».

В самом доме крестьянин-предприниматель обязался устроить: а) помещение, предназначенное для торговли, размером внутри не менее шести квадратных сажень с непосредственным выходом на улицу; выходная на улицу дверь должна быть двойная и с тамбуром, устроенным внутри помещения; б) помещение для хранения запаса вина в стеклянной посуде, размером не менее трех квадратных сажень; в) квартиру продавца, отделенную от торгового помещения капитальной стеной, площадью от 10 до 12 квадратных сажень, состоящую из двух жилых комнат, кухни, чулана и отхожего места; вход в квартиру

продавца с крыльцом, как показано на плане, должен быть устроен со двора. Как торговое помещение, так равно и квартира продавца, должны иметь все приспособления, затрудняющие доступ в ночное время внутрь лавки и жилого помещения. Для этой цели арендодатель обязан везде в доме устроить наружные двери прочные с прочными и целесообразными запорами; во всех окнах с внутренней стороны устроить достаточно прочные ставни с двумя поперечными брусками с укреплением их к притолокам окна железными задвижками».

И еще: во всех помещениях дома владелец был обязан устроить исправные печи, печь в квартире продавца – русская (кухонная). Внутреннее оборудование торгового помещения, состоящее из прилавка, полок, решетки, двух стульев и табуретов владелец также должен был произвести за свой счет, согласно чертежу. Прилавок, высотой от пола на полтора аршина обязан сделать из соснового, березового, в крайнем случае, елового, обязательно сухого дерева и поставить его так, как показано на чертеже. Лицевая сторона прилавка (к входной двери) должна быть филенчатая и выкрашена прочной масляной краской того цвета, какой будет ему указан.

Из обязательств отставного солдата, крестьянина Колупаева: «Непосредственно над прилавком, во всю длину, я, Колупаев, обязуюсь сделать и установить решетку, высотой в один аршин восемь вершков, состоящую из рамы с поперечными переплетами, в которые вставить металлическую сетку; раму и сетку выкрасить масляной краской; в решетке сделать два отверстия с отворяющимися дверцами».

Все без исключения работы по постройке дома, хозяйственных строений и внутреннего оборудования торгового помещения винной лавки до последних мелочей Колупаев должен завершить и сдать все по описи в распоряжение казенного управления в полной исправности не позднее 1 мая 1901 года.

«В противном же случае за неисполнением всего или части изложенного я, Андрей Гаврилович Колупаев, обязан уплатить казне неустойку в размере полугодовой арендной платы, а казна имеет право сейчас же отказаться от аренды выстроенного мною дома».

Вот так вот! Все за свой счет построй и отдай... казне, а себе оставь – арендную плату. И на все работы отводилось 10 месяцев, учитывая, что договор был заключен в июле 1900 года.